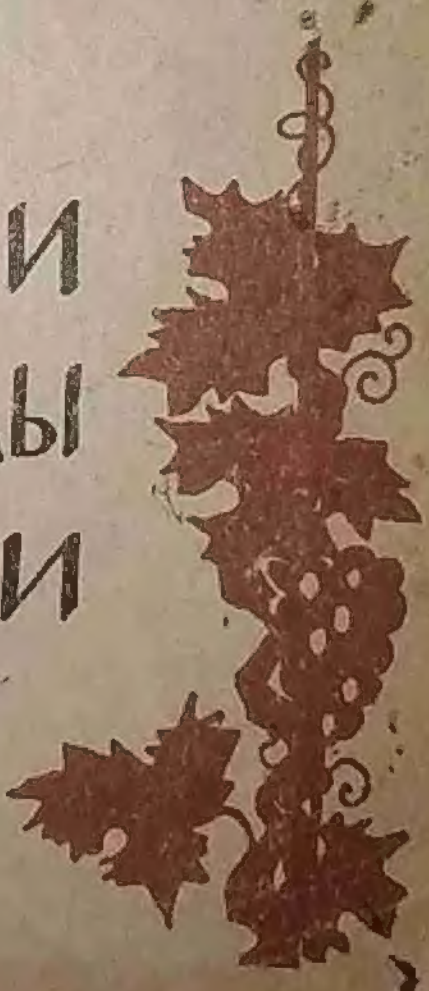
ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

СКАЗКИ
ЛЕГЕНДЫ
ПРИТЧИ



PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

СКАЗКИ ЛЕГЕНДЫ ПРИТЧИ

М. хачкала Дагучпедгиз 1991

Печатается по изданию: ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ
Сказки, легенды, притчи. Л.: Детская литература, 1983.

4804010100 — 99
Л———————88—91
М 124 (03) — 91
ISBN 5—7437—0217—9

©Леонардо да Винчи. Сказки, легенды, притчи. Дагучпедгиз. 1991 г.

БУМАГА И ЧЕРНИЛА

На письменном столе стопкой лежали одинаковые листы чистой бумаги. Но однажды один из них оказался сплошь испещренным крючочками, черточками, завитками, точками... Видимо, кто-то взял перо и, обмакнув его в чернила, исписал листок словами и разрисовал рисунками.

— Зачем тебе понадобилось подвергать меня такому неслыханному унижению? — в сердцах спросил опечаленный листок у стоявшей на столе чернильницы. — Твои несмываемые чернила запятнали мою белизну и испортили бумагу навек! Кому я теперь буду нужен?

— Не тужи! — ласково ответила чернильница. — Тебя вовсе не хотели унизить и не запятнали, а лишь сделали нужную запись. И теперь ты уже не простой клочок бумаги, а написанное послание. Отныне ты хранишь мысль человека, и в этом твое прямое назначение и великая ценность.

Добрая чернильница оказалась права. Прибирялась как-то на письменном столе, че-

ловек увидел беспорядочно разбросанные желтевшие от времени листки. Он собрал их и хотел было бросить в горящий камин, как вдруг заметил тот самый «запятнанный» листок. Выбросив за ненадобностью запылившиеся бумажки, человек бережно положил этот листок в ящик стола, дабы сохранить его как послание разума.

КРЕМЕНЬ И ОГНИВО

Получив однажды сильный удар от огнива, кремень возмущенно спросил у обидчика:

— С чего ты так набросился на меня? Я тебя знать не знаю. Ты меня, видимо, с кем-то путаешь. Оставь, пожалуйста, мои бока в покое. Я никому не причиняю зла.

— Не сердись, дружок, понапрасну, — с улыбкой промолвило огниво в ответ. — Если ты наберешься немного терпения, то вскоре увидишь, какое чудо я извлеку из тебя.

При этих словах кремень успокоился и стал терпеливо сносить удары огнива. И наконец из него был высечен огонь, способный творить подлинные чудеса. Так терпение кремня было по заслугам вознаграждено.

Сказка сказана для тех, кто поначалу робеет в учебе. Но если запастись терпением и

проявить старание, то посеянные семена знания непременно дадут добрые всходы. Ученья корень горек, да плод сладок.

ЯЗЫК И ЗУБЫ

Жил-был на свете мальчик, страдавший серьезным недугом, которому иногда бывают подвержены и взрослые, — он беспрестанно разговаривал не зная меры.

— Что за наказание этот язык,— ворчали зубы. — Когда же он угомонится и помолчит немного?

— Какое вам до меня дело? — нагло отвечал язык.— Жуйте себе на здоровье, что я вам выберу, и помалкивайте. Вот и весь вам сказ! Между нами ничего нет общего. Никому не позволю встревать в мои личные дела, а тем паче соваться с глупыми советами!

И мальчик продолжал без умолку болтать кстати и некстати. Язык был наверху блаженства, произнося все новые мудреные слова, хотя и не успевал хорошенько вникнуть в их смысл.

Но однажды мальчик так увлекся болтовней, что, сам того не ведая, попал впросак.

Чтобы как-то выпутаться из беды, он позволил языку сказать заведомую ложь. Тогда зубы не выдержали — терпение их лопнуло. Они разом сомкнулись и пребольно укусили зарвавшегося врунишку.

Язык побагровел от выступившей крови, а мальчик заплакал от стыда и боли.

С той поры язык ведет себя с опаской и осторожностью, да и мальчик, прежде чем вымолвить слово, дважды подумает.

БРИТВА

У одного цирюльника была бритва красоты необыкновенной, да и в работе ей не было равных. Однажды. когда посетителей в лавке не было, а хозяин куда-то отлучился, вздумалось бритве на мир поглядеть и себя показать. Выпустив острое лезвие из оправы словно шпагу из ножен, и гордо подбоченясь, она отправилась на прогулку погожим весенним днём.

Не успела бритва перешагнуть через порог, как яркое солнце заиграло на стальном полированном лезвии, а по стенам домов ве-

село запрыгали солнечные зайчики. Ослепленная этим невиданным зрелищем, бритва пришла в такой неописуемый восторг, что тут же непомерно возгордилась.

— Неужели после такого великолепия я должна вернуться в цирюльню? — воскликнула бритва. — Ни за что на свете! Было бы сущим безумием с моей стороны губить свою жизнь, выскабливая намыленные щеки и подбородки неотесанных мужланов. Разве моему нежному лезвию место у брадобрея? Вовсе нет! Спрячусь-ка я от него в укромном местечке.

С той поры ее и след простыл.

Шли месяцы. Наступила дождливая осень. Соскучившись в одиночестве, беглянка решила выйти из своего добровольного затворничества и подышать свежим воздухом. Она осторожно выпустила лезвие из оправы и горделиво огляделась вокруг.

Но, о ужас! Что же стряслось? Лезвие, когда-то нежное, огрубело, став похожим на ржавую пилу, и не отражало более солнечных лучей.

Осознав свою ошибку, бритва принялась горько плакать:

— Зачем я поддалась соблазну? Как меня холил и лелеял добрый цирюльник! Как он радовался и гордился моей работой! А теперь,

о боже, что со мной сталось: лезвие потемне-
ло, зазубрилось и покрылось отвратительной
ржавчиной. Я погибла и нет мне спасенья!

Та же печальная участь ожидает всякого,
кто наделен талантом, но вместо того, чтобы
развивать и совершенствовать свои способ-
ности, чрезмерно возносится и предается
праздности и самолюбованию. Как и эта не-
счастная бритва, такой человек постепенно ут-
рачивает ясность и остроту ума, становится
косным, ленивым и обрастает ржавчиной не-
вежества, разъедающей плоть и душу.

ПЛАМЯ

Более месяца в стеклодуv-
ной мастерской кипела рабо-
та, а в огромной печи огонь
не утихал ни днем ни ночью.
Немало прекрасных изделий
создали искусные руки ма-
теров, которые своим дыха-
нием придавали причудли-
вую форму массе расплав-
ленного стекла.

Однажды бушующий в печи огонь замети-
оставленную кем-то из мастеров горящую све-
чу, вправленную в массивный бронзовы-

подсвечник. Им тотчас овладело неодолимое желание поглотить слабый огонек свечи.

И вот из-под головешки с шипеньем вырвалось синее пламя. Отпрянув в сторону от тяги в дымоходе и изловчившись, оно прорвалось сквозь узкую щель печного заслона, перекинулось на стоявшую неподалеку свечу и принялось с жадностью ее пожирать.

Ненасытное пламя в один миг поглотило хрупкую свечу. Однако, не желая погибать вместе с ней, оно попыталось вернуться в родную стихию. Но сколько пламя ни взывало о помощи к своим собратьям в горящей печи, как ни извивалось и ни корчилось в предсмертных муках, ему так и не удалось вырваться из цепких объятий растопленного воска.

Крича, плача и злобно шипя, пламя в конце концов захлебнулось, превратившись в едкий дым. А в печи ещё долго весело потрескивали поленья, стреляя разноцветными искрами, и дружно плясали красные языки огня.

ВОДА

Вода весело плескалась в родной морской стихии. Но однажды ей взбрела в голову шальная мысль добраться до самого неба.

Она обратилась за помощью к огню. Своим обжигающим пламенем он превратил воду в мельчайшие капельки теплого пара, которые оказались гораздо легче воздуха.

Пар тотчас устремился вверх, поднимаясь в самые высокие и холодные слои воздуха.

Оказавшись в заоблачной выси, капельки пара окоченели так, что у них зуб на зуб не попадал от холода. Чтобы согреться, они тесно прижались друг к другу и, став намного тяжелее воздуха, тут же попадали на землю в виде обычного дождя. Заболев тщеславием, вода вознеслась к небу, но была изгнана оттуда. Жаждущая земля поглотила дождь до единой капли. И воде еще долго пришлось отбывать наказание в почве, прежде чем она смогла возвратиться в морские просторы.

ПЛЮЩ

За высоким забором плющ крепко обвил ствол и ветки боярышника. Но, добравшись

однажды до самой вершины, и оглядевшись вокруг, он увидел другой забор по ту сторону дороги.

— Как бы мне хотелось туда перебраться! — воскликнул плющ. — Не век же мне сидеть на одном месте. Что ни говори, а соседний забор куда красивее и выше этого.

С той поры завистливое растение вконец утратило покой. Оно постепенно удлиняло ростки и с каждым днем приближалось к заветной цели. И вот он долгожданный миг! Еще одно усилие, и плющу удалось зацепиться за ветку у соседнего забора и крепко обвиться вокруг нее. Он был несказанно рад и горд одержанной победой.

Но под вечер на дороге появился запоздалый прохожий. Оказавшись нежданно-негаданно перед преградой, он оборвал зеленую гирлянду плюща и бросил за ненадобностью в придорожную канаву.

ЛУНА И УСТРИЦА

Устрица была по уши влюблена в луну. Словно завороженная, она часами глядела влюбленными глазами на ночное светило.

Сидевший в засаде прожорливый краб заметил, что всякий раз,

как из-за туч выплывает луна, раззява-устри
ца раскрывает створки раковины, забыв об
всем на свете. И он решил ее съесть.

Однажды ночью, едва взошла луна, и ус-
трица по обыкновению уставилась на нее,
раскрыв рот, краб подцепил клешней каме-
шек, и, изловчившись, бросил его внутрь ра-
ковины. Любительница лунного света по-
старалась было захлопнуть створки перла-
мутрового жилища, но было поздно — бро-
шенный камешек помешал бедняжке.

Подобная участь ждет каждого, кто не
умеет в тайне хранить сокровенные чувства.
Глаза и уши, охочие до чужих секретов, всег-
да найдутся.

ПАУК В ЗАМОЧНОЙ СКВАЖИНЕ

Обследовав весь дом внутри и снаружи
паук облюбовал себе местечко в замочной
скважине.

Какое удобное и надежное убежище! Никто
не сможет обнаружить здесь паука. А он,
высунувшись из укрытия, будет преспокойно
наблюдать за всем происходящим, не подвер-
гая себя никакому риску.

— У каменного порога натяну паутину для
мух, — принялся рассуждать довольный паук.
— На ступеньках лестницы будет другая

покрепче,— для жирных гусениц, а между дверными створками устрою хитрую ловушку для комаров...

Паук был вне себя от счастья и радужных надежд. Замочная скважина, вся обитая железом, казалась ему неприступной крепостью, и более безопасного пристанища он еще в жизни не видывал.

Пока паук предавался мечтам и строил заманчивые планы на будущее, его тонкий слух уловил шум приближающихся шагов. Будучи по натуре осторожным, он тут же уполз в глубь своего убежища.

Вернувшийся домой хозяин звякнул связкой ключей, вставил один из них в замочную скважину и ... раздавил мечтателя.

ГУСЕНИЦА

Прилипнув к листочку, гусеница с интересом наблюдала, как насекомые пели, прыгали, скакали, бегали наперегонки, летали... Все вокруг было в постоянном движении. И лишь одной ей, бедняге, отказано было в голосе и не дано ни бегать, ни летать.

С превеликим трудом она могла только пол
зать. И пока гусеница неуклюже переби
ралась с одного листка на другой, ей каза
лось, что она совершает кругосветное пу
тешествие.

И все же она не сетовала на судьбу и нико
му не завидовала, сознавая, что каждый дол
жен заниматься своим делом. Вот и ей, гусе
нице, предстояло научиться ткать тонкие
шелковые нити, чтобы из них свить для себя
прочный домик-кокон.

Без лишних рассуждений гусеница стара
тельно принялась за работу и к нужному сро
ку оказалась укутанной с ног до головы в
теплый кокон.

— А что дальше? — спросила она, отре
занная в своем укрытии от остального мира.

— Всему свой черед!— послышалось ей в
ответ. Наберись немного терпения, а там уви
дишь.

Когда настала пора и она очнулась то уже
не была прежней неповоротливой гусеницей.
Ловко высвободившись из кокона, она с удив
лением заметила, что у нее отросли легкие
крылышки, щедро раскрашенные в яркие
цвета. Весело взмахнув ими, она словно
пушок, вспорхнула с листка и полетела
растворившись в голубой дымке.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

— Нет на свете справедливости — жалобно пропищала мышь, чудом вырвавшись из когтей ласки.

— Доколе же неправду терпеть! — возмущенно крикнула ласка, едва успев спрятаться в узкое дупло от кошки.

— Житья нет от произвола! — промяукала кошка, прыгнув на высокий забор и с опаской поглядывая на бредущего внизу дворового пса.

— Успокойтесь, друзья! — сказала мудрая сова, сидевшая в клетке на крестьянском дворе. — В ваших сетованиях на жизнь есть доля истины. Но разве справедливость принадлежит по праву кому-то одному из вас?

При этих словах мышь выглянула из норы, ласка высунула носик из дупла, кошка поудобнее устроилась на заборе, а пес присел на задние лапы.

— Справедливость, — продолжала сова,— это высший закон природы, по которому между всеми живущими на земле устанавливается разумное согласие. По этому мудрому закону живут все звери, птицы, рыбы и даже насекомые. Посмотрите, как дружно живет и трудится пчелиный рой.

Сова действительно была права. Кому хоть раз приводилось видеть улей, тот знает, что там безраздельно властвует пчелиная матка, распоряжаясь всем и всеми с величайшим умом и справедливо распределяя обязанности между членами многочисленной пчелиной семьи. У одних пчел основная забота — сбор нектара с цветов, у других — работа в сотах; одни охраняют улей, отгоняя назойливых ос и шмелей, другие заботятся о поддержании чистоты. Есть пчелы, коим надлежит ухаживать за маткой, не отходя от нее ни на шаг. Когда повелительница состарится, самые сильные пчелы бережно носят ее на себе, а наиболее опытные и знающие врачуют всячески снадобьями. И если хоть одна пчела нарушит свой долг, ее ждет неминуемая кара.

В природе все мудро продумано и устроено, всяк должен заниматься своим делом, и в этой мудрости — высшая справедливость жизни.

ЛАВР, МИРТ И ГРУША

Однажды перед старой развесистой грушей остановились два крестьянина с топорами за поясом.

— Эй, груша! — крикнул лавр. — Принимай гостей.

А крестьяне тем временем, поплевав на руки, ухватились за топоры и дружно принялись рубить дерево под самый корень.

— Почто ты голову склонила долу? — с издевкой спросил мирт. — Куда девалась твоя былая гордость?

— Кончились твои денечки, груша, — не унимался лавр, — теперь твоя листва не будет нам застить свет.

Превозмогая боль и собрав последние силы, смертельно раненная груша промолвила:

—Чую, — пришел мой конец. Но напрасно злорадствуете вы оба. Где вам, неучам, знать, что крестьяне отнесут меня в мастерскую к резчику и искусный мастер изваяет из моего прочного ствола прекрасную статую.

Груша, не ошиблась, и статуя удалась на славу. Люди не переставали восхищаться ее красотой, воздавая почести и украшая ее лавровыми венками, и гирляндами из мирта.

Уж таков удел лавра и мирта — жить вечно с обломанными ветвями, дабы славить рукотворное творение человека.

ПАУК И ШМЕЛЬ

Оказавшись как-то в облюбованном мухами месте, паук без промедления принялся мастерить ловушку. Выбрав для опоры две ветки, он стал плести между ними вдоль и поперек тончайшие серебристые нити, пока не получилась прочная паутина-невидимка. Справившись с делом, паук спрятался под листом.

Ждать пришлось недолго. Одна любопытная муха сразу же угодила в сеть. Заметив трепыхавшуюся жертву, паук мигом выскочил из укрытия и сцапал муху.

Неподалеку на венчике цветка сидел шмель, видевший все паучьи козни. Его честное, благородное сердце не выдержало такого низкого коварства. Взмахнув крылышками, он грозно зажужжал, налетел на вероломного злодея и всадил в него свое смертоносное жало. Несчастные мухи были спасены.

КАШТАН И ИНЖИР

Однажды каштан с удивлением увидел, как, взобравшись на соседний инжир и пригибая к себе ветки, человек стал срывать спелые ягоды. Видать, они пришлись ему по вкусу, и он тут же принялся уписывать их за обе щеки, вовсю работая крепкими зубами.

— Послушай-ка, сосед! — обратился каштан к инжиру, недовольно покачивая кроной. — В чем ты провинился перед матерью-природой, коли она так обделила тебя? Посмотри, как славно я устроен! Видишь, как надежно упрятаны и защищены мои вкусные плоды, не чета твоим. Природа не поскупилась, заботясь о них.

Довольный собой каштан с нежностью посмотрел на свои плоды и продолжал:

— Природа одела их в тонкие рубашки, а затем принарядила в прочные камзолы на шелковистой подкладке. Мало того, они у меня упрятаны в крепкие скорлупки-кольчуги, усеянные острыми шипами. Так что человеку не видать моих каштанов как своих ушей!

Прослышав такие речи, сосед не смог удержаться и громко расхохотался. Насмеявшись вдоволь и переведя дух, инжир ответил наконец:

Плохо же ты, брат, знаешь человек[illegible], ко
ли так опрометчиво судишь о нем! Он нас
только умен и ловок, что доберется и до твои
недоступных плодов. Вооружившись шесте
ми, палками, и камнями, он вытрясет из теб
всю душу и посшибает каштаны. А когд
они попадают на землю, примется топтать
давить их камнями. Так что твои хваленые
красавцы выскочат как угорелые из колючи
скорлупок.

Подумав немного, инжир сказал напосл
док:

— Мне было бы грешно обижаться на пр
роду. Все со мной обходятся ласково и учт
во, а мои сочные плоды срывают только р
ками, стараясь не помять и не раздавить и
Да и я не хочу оставаться в долгу, радуя л
дей вкусными плодами.

МОТЫЛЕК И ПЛАМЯ

Ночью в вечерних сумерках и наслаждаясь прохладой, пестрый мотылёк вдруг приметил мерцающий вдали огонек. Он тотчас направился к освещённому месту, а когда оказался рядом, стал летать вокруг горящего на окне ночника, с удивлением разглядывая его. Как же красив этот незнакомец!

Налюбовавшись вдоволь, мотылек решил познакомиться с ярким огоньком и поиграть с ним, как обычно забавлялся в саду с цветами, раскачиваясь на их венчиках, словно на качелях. Отлетев немного в сторону, он сделал крутой разворот и пролетел, почти касаясь желтого язычка пламени и как бы приглашая его к игре.

Но что-то больно кольнуло его и подбросило вверх. Присев на подоконник у ночника, мотылек в изумлении обнаружил, что потерял одну лапку и подпалил края крылышек.

— Как же могло такое стрястись? — в недоумении спрашивал себя мотылек и не находил ответа. Он никак не мог допустить, чтобы такой дивный безобидный огонек спо-

собен был причинить ему зло. Придя немно
в себя от потрясения, мотылек вновь расп
вил крылышки и вспорхнул.

Сделав несколько кругов над горящим но
ником, он спокойно полетел прямо на плам
желая покачаться на нем, но тут же упа
в масло, коим питался коварный огонек.

— Какой же ты жестокий, — промолви
мотылек, теряя силы. — Я надеялся найт
в тебе друга, а обрел погибель. Слишко
поздно я понял, как ты зол и опасен! Дор
го мне обошлась глупая затея поиграть
тобой!

— Бедный мотылек! — ответил ему ночни
Моя ли вина, что я не цветок, освещенны
лунным светом, как ты наивно полагал? Мо
назначение — светить людям. А кто не умее
осторожно обращаться с огнем, непремен
обжигается.

ЛОЗА И СТАРОЕ ДЕРЕВО

Однажды виноградной лозе взбрело в голову обвиться вокруг ствола старого дерева, чтобы почувствовать себя вольготней и уверенней. Ее подруги по винограднику, которые росли, как и положено, цепляясь за врытые крестьянином в землю столбы, недоуменно спросили:

— Какой прок тебе от этого старого дерева? Ведь оно на ладан дышит. Не ровен час, треснет и свалится, что ты тогда будешь делать?

— Не ваша печаль! Проживу как-нибудь своим умом,— дерзко ответила лоза, уверенная в своей правоте. Она еще крепче обвилась вокруг ствола, теша себя надеждой, что ей удастся перехитрить остальные лозы, взметнуть выше всех к солнцу зеленые ростки и тем самым продлить свое существование.

Но у облюбованного ею дерева было столько прожитых лет за плечами, что оно с трудом держалось на ногах. Многие ветки давно высохли, а трухлявый, полусгнивший ствол содрогался от каждого порыва ветра.

Однажды, тяжело охнув, дерево рухнуло, обнявшая его ствол недальновидная лоза

погибла, раздавленная поверженным великаном.

ЛИЛИЯ

На зеленом берегу Тичино, что течет по полям и лугам Ломбардии, выросла прекрасная лилия. Все остальные полевые цветы почтительно склонялись, стараясь даже тенью не задеть ее великолепие. А она, стройно взметнувшись ввысь и радостно покачиваясь на ветру, без устали любовалась собственным отражением в воде. Завороженные дивной красотой, волны решили завладеть цветком.

Вскоре вся река закипела и вспенилась от страсти. Волны становились все беспокойнее, подгоняемые неодолимым желанием. А лилия, обдаваемая брызгами, неприступная и гордая, продолжала красоваться на своем прочном тонком стебле.

Тогда волны еще пуще стали бить о берег, захлестывая и подтачивая его, пока он не рухнул в кипящую пучину, увлекая за собой одинокую красавицу.

ОРЕХ И КОЛОКОЛЬНЯ

Раздобывшись где-то орехом, довольная ворона полетела на колокольню. Устроившись там поудобней и придерживая добычу лапой, она принялась яростно долбить клювом, чтобы добраться до лакомого зернышка. Но то ли удар оказался слишком сильным, то ли ворона сплоховала, орех вдруг выскользнул у нее из лапы, покатился вниз и исчез в расселине стены.

— О, добрая стена-заступница! — слезно запричитал орех, все еще не пришедший в себя от жестоких ударов вороньего клюва. — Не дай погибнуть, сжалься надо мной! Ты так прочна и величава, у тебя такая красивая колокольня. Не гони меня!

Колокола глухо и неодобрительно загудели, предупреждая стену не доверяться ореху, так как он может оказаться опасным для нее.

— Не оставь меня, сирого, в беде! — продолжал причитать орех, стараясь перекричать сердитый гул колокола. — Мне уже надлежало покинуть родимую ветку и упасть на

сырую землю, как нагрянула злодейка. Ок
завшись в клюве прожорливой вороны, я да
себе зарок: если удастся избежать смерти
провести тихо и спокойно остаток дне
в какой-нибудь ямке.

Пылкие речи ореха растрогали старую ст
ну до слез. Вопреки предупреждению ко
колов она решила оказать ореху гостепри
ство и оставить в щели, куда он закатил

Однако со временем орех оправился от ис
га, освоился и пустил корни, а те начали вгр
заться в гостеприимную стену. Вскоре
расселины выглянули наружу первые рост
Они дружно тянулись кверху и набира
силу. Прошло еще немного времени, и мо
дые побеги орешника уже гордо возвышали
над самой колокольней.

Особенно доставалось стене от корней. Це
кие и напористые, они все пуще разрасталис
круша и расшатывая старую кладку, и безж
лостно выталкивали прочь кирпичи и кам

Слишком поздно стена поняла, наскольк
коварным оказался невзрачный жалкий ор
шек с его клятвенными заверениями жить т
ше воды ниже травы. Ей теперь ничего др
гого не оставалось, как корить себя за дове
чивость и горько сожалеть, что в свое врем
она не прислушалась к голосу мудрых ко
колов.

Орешник же продолжал расти с гордым безразличием, а колокольня все более разрушалась.

ОГОНЬ И КОТЕЛОК

В теплой золе еще тлел едва заметный уголек. С большой осторожностью и расчетливостью он расходовал последние силы, дабы вконец не угаснуть и не задохнуться в сизом пепле.

Настала пора ужина, и в остывающую печь подбросили охапку дров и сухого валежника. Чиркнула спичка, и ее малюсенькое пламя оживило уголёк, который совсем было угас. Среди дров, поверх которых был подвешен чугунный котелок с варевом, поднялся язычок пламени.

Обрадовавшись сухим дровам, огонь начал постепенно разгораться, изгоняя из печи застойный воздух. Заигрывая с поленьями и шаловливо выскакивая то сверху, то снизу, огонь все пуще занимался.

Настойчиво прорываясь через поленья, языки пламени с треском выбрасывали целые пригоршни разноцветных искр. Темные тени,

ТОПОЛЬ

Известно, что тополь растет быстрее многих деревьев. Его побеги прямо на глазах тянутся кверху, обгоняя в росте все прочие растения в округе.

Однажды молодому тополю пришла в голову мысль обзавестись подругой жизни. Свой выбор он остановил на приглянувшейся ему виноградной лозе.

— Что за странная блажь! — отговарив

...го собрать. — С этой красавицей лозой ...ы влюбишь горя. На что она тебе? Наше де... — расти вверх, а иного нам не дано.

Но упрямый тополь настоял на своем. Пыл... кий влюбленный соединился с молодой лозой и позволил ей покрепче себя обнять, чему был несказанно рад.

Получив прочную опору, лоза стала быстро разрастаться и плодоносить.

Увидев, что лоза хорошо прижилась, цеп... ко обвившись вокруг ствола, сметливый крес... тьянин стал по весне обрезать ветки тополя, чтобы они не тянули за собой ввысь лозу. А ему самому было бы сподручней собирать осенью гроздья спелого винограда.

Куда девалась былая статность тополя? Он округлился, поутратил прежний пыл и смирился с судьбой.

Стоит себе куцый, с подрезанными вет... ми, служа подпоркой для своей плодовитой подруги.

А его собрать, взметнув ввысь густые кро... ны, беззаботно шелестит листвой.

МУРАВЕЙ И ПШЕНИЧНОЕ ЗЕРНО

Оставшееся на поле после жатвы пшеничное зерно с нетерпеньем ждало дождя, чтобы поглубже зарыться в сырую землю в преддверии наступающих холодов.

Пробегавший мимо муравей заметил его. Обрадовавшись находке, он, не раздумывая, взвалил тяжелую добычу на спину и с трудом пополз к муравейнику.

Чтобы засветло поспеть к дому, муравей ползет без остановки, а поклажа все тяжелее давит его натруженную спину.

— Зачем ты надрываешься? Брось меня здесь! — взмолилось пшеничное зерно.

— Если я тебя брошу, — ответил муравей, тяжело дыша,— мы останемся на зиму без пропитания. Нас много, и каждый обязан промышлять, дабы умножать запасы в муравейнике.

Тогда зерно подумало и сказало:

— Я понимаю твои заботы честного труженика, но и ты вникни в мое положение. Послушай меня внимательно, умный муравей.

Довольный тем, что можно перевести дух, муравей сбросил со спины тяжелую ношу и присел отдохнуть.

— Так знай же, — сказало зерно, — во мне заключена великая животворная сила, и мое назначение — продолжать новую жизнь. Давай заключим с тобой один договор.

— Какой такой договор?

— А вот какой. Если ты не потащишь меня в муравейник и оставишь на родном поле,— пояснило зерно, — то ровно через год получишь взамен сто таких же пшеничных зерен.

Удивленный муравей недоверчиво покачал головой.

— Верь мне, дорогой муравей, я говорю сущую правду! Если ты сейчас откажешься от меня и повременишь, то потом я сторицей вознагражу твое терпение и твой муравейник не будет внакладе.

Муравей задумался, почесывая затылок: «Сто зерен в обмен на одно. Да такие чудеса только в сказках бывают».

— А как ты это сделаешь? — спросил он, распираемый любопытством, но все еще не веря.

— Положись на меня! — ответило зерно. — Это великая тайна жизни. А теперь вырой небольшую ямку, закопай меня, а летом сызнова возвращайся.

В условленный срок муравей вернулся на поле. Пшеничное зерно сдержало свое обещание.

ПЧЕЛА И ТРУТНИ

— Управы на вас нет, бездельники! — не выдержала как-то рабочая пчела, урезонивая трутней, летавший попусту вокруг ул
— Вам бы только не работать. Постыдились бы! Куда ни глянь, все трудятся, делают запасы впрок. Возьмите, к примеру, крохотного муравья. Мал, да удал. Все лето работает в поте лица, стараясь не упустить ни одного дня. Ведь зима не за горами.

— Нашла кого ставить в пример! — огрызнулся один из трутней, которому наскучили наставления пчелы. — Да твой хваленый муравей губит семена каждого урожая. Это крохобор тащит всякую мелочь в свой муравейник.

Бездельника хлебом не корми, а дай посудить, да и в умении очернить другого ему не откажешь. Он всегда готов найти оправдание собственной никчемности.

ЩЕГОЛ

Держа червячка в клюве, щегол подлетел к своему гнезду, но птенцов внутри не оказалось. Пока он был на охоте, злоумышленники выкрали их.

Крича и плача, щегол принялся искать пропавших птенцов. Весь лес огласился его жалобными стонами и призывами, но никакого ответа не последовало.

На следующее утро несчастному родителю повстречался зяблик, который поведал, что еще вчера видел щеглят в одном крестьянском доме.

Вне себя от радости щегол полетел во весь дух к селению и вскоре оказался у того дома, на который указал добрый зяблик.

Щегол сел на конек крыши, огляделся, но никого не увидел. Он слетел на гумно — и там ни души. Когда же бедный отец поднял голову кверху, он заметил клетку, висевшую снаружи у окна. В ней сидели его щеглята-пленники. Щегол ринулся к ним.

Завидев отца, птенцы принялись хором

ВЬЮН И ЯЩЕРИЦА

Пышно разросшийся вьюн поднял ввысь свою нежно-изумрудную листву, сверкающую на солнце. Любуясь собственной красотой, он так возгордился, что с трудом переносил соседство других растений. Особенно досаждал ему своей невозмутимостью старый, высохший ствол, стоявший рядом.

— Послушай-ка, старина! — обратился к нему однажды вьюн. — Что ты топчешься у меня под ногами? Пора бы и честь знать. Сгинь с моих глаз долой!

Старый ствол сделал вид, будто не расслышал грубияна, и промолчал, думая свои думы. Тогда неугомонный вьюн обратился к терновнику, чьи густые заросли стояли вокруг сплошной стеной.

— Эй ты, как тебя, терновник! Житья, братец, не стало от твоих скверных колючек — в глазах рябит. Неужели у тебя догадки нет, что своими ветвями застишь мне свет? Поверни их в сторону!

Но терновник, занятый своим делом, не счел нужным отвечать на такие слова, пропустив их мимо ушей.

Гревшаяся на солнцепеке старая ящерица не выдержала и сказала с укоризной:

— До чего же ты глуп, вьюн-хвастун, ко-

погляжу я на тебя! Ведь благодаря старому стволу ты растешь прямо и тянешься вверх, цепляясь за него. Неужели тебе невдомек, что кабы не колючие заросли терновника, тебя, замухрышку, давно затоптали бы непрошенные гости?

Возмущенный вьюн хотел было возразить, но ящерица не дала ему рта раскрыть.

— Глаза бы мои на тебя не глядели! Чем пыжиться да вверх тянуться попусту, лучше бы у соседей набирался ума-разума.

КАМЕНЬ И ДОРОГА

Жил-был на свете большой красивый камень. Протекавший мимо ручей до блеска отполировал его бока, которые так и сверкали на солнце.

Но со временем ручей высох, а камень продолжал лежать на пригорке. Вокруг него было раздолье для высоких трав и ярких полевых цветов.

Сверху камню хорошо была видна пробегавшая внизу мощеная дорога, по обочине которой были свалены в кучи голыши и булыжники.

Оставшись в одиночестве без привычного журчания веселого ручья, камень все чаще

стал с тоской поглядывать вниз на доро
где всегда царило оживление. Однажды ем
сделалось так грустно, что он не выдержал
воскликнул:

— Не век же мне вековать одному! Что пр
ку от трав и цветов? Куда разумнее жить бо
о бок с моими собратьями на проезжей дор
ге, где жизнь бьет ключом.

Сказав это, он сдвинулся с насиженно
места и стремглав покатился вниз, пока в
очутился на дороге среди таких же, как он
камней.

Кто только не проходил и не проезжал п
дороге! И колеса повозок с железными об
дьями, и копыта лошадей, коров, овец, ко
и щегольские сапоги с ботфортами, и подб
тые гвоздями крепкие крестьянские башмак

Камень оказался в дорожной толчее, п
его грубо отшвыривали в сторону, топта
крошили, обдавали потоками грязи, а поро
он бывал выпачкан по уши коровьим помет

Куда девалась его былая красота! Тепе
он с грустью посматривал вверх на при
рок, где когда-то мирно лежал среди благ
хающих цветов. Ему ничего более не ос
валось, как тщетно мечтать о возврате у
раченного спокойствия и одиночества.
зря говорят: «Что имеем — не храним, п
ряв'ши — плачем».

История рассказана для тех, кто бездумно покидает глухие сельские уголки, устремляясь в шумные многолюдные города, где тотчас оказывается во власти суеты, неутолимой жажды и нескончаемых трудностей, и треволнений.

ОРЕШНИК

В большом саду за оградой росли в добром согласии и мире фруктовые деревья. По весне они утопали в молочно-розовом кипении, а к исходу лета гнулись под тяжестью спелых плодов.

Случайно в эту дружную трудовую семью затесался орешник, который вскоре буйно разросся и возомнил о себе.

— С какой стати мне торчать в саду за оградой? — недовольно ворчал он. — Я вовсе не собираюсь жить здесь затворником. Пусть мои ветки перекинутся через забор на улицу, чтобы вся округа знала, какие у меня дивные орехи!

И орешник принялся настойчиво одолевать высокий забор, дабы предстать во всей своей красе перед прохожими.

Когда пришла пора и его ветки оказались сплошь усыпаны орехами, всяк кому не лень

стал их обрывать. А коли руки не доста
ли, в ход шли палки и камни.

В скором времени побитый и обломанны
орешник растерял не только плоды, но
листья. Как плети, безжизненно свисали
рез забор его искалеченные ветки, а в густ
зелени сада красовались налитые соком яб
ки, груши, персики...

БЛОХА И ОВЕЧЬЯ ШКУРА

Обосновавшись в мохнатой шкуре доб
душного дворового пса, блоха жила себе пр
певаючи и не о чем не тужила.

Но однажды она учуяла пленительный
пах добротной чистой шерсти.

— Что бы это могло быть? — заинте
совалась она и, сделав несколько прыж
обнаружила, что ее верный пес сладко сп
растянувшись поверх лохматой овчины.

— Ах, как я мечтаю о такой великолеп
шубе! восхищенно воскликнула блоха, н
силах оторвать глаз от овчины. — Насколь
же она густа, шелковиста и изящна, а г
ное , надежна. На ней уж не придется с
сать ч собачьих зубов и когтей. Мой пес с
невы осим. Потеряв всякое приличие, он
дело почесывается и ищет меня. Как м

опостылела вечная игра в прятки! Наверняка овечья кожа куда нежнее и слаще собачьей. Не раздумывая более и стараясь не упустить счастливый случай, блоха поднатужилась и одним махом перелетела с собачьей шкуры на овечью.

Однако вопреки надеждам и ожиданиям овчина оказалась настолько густая и плотная, что блохе пришлось изрядно потрудиться, отдирая лапками один волосок от другого и прокладывая путь в непроходимой чаще.

Преодолев немало препятствий, она добралась наконец до желанной цели. Но, увы, дубленая овечья кожа была тверда словно камень. Как ни тужилась блоха, как ни изворачивалась, этот лакомый кусочек оказался ей не по зубам.

Вконец обессилевшая, взмокшая от натуги и раздосадованная, блоха решила отказаться от своей затеи и двинулась в обратный путь. Ей уже не терпелось поскорее вернуться на привычную собачью шкуру и вновь зажить прежней жизнью. Глядь, а собаки и след простыл!

Целые дни напролет бедняжка убивалась и корила себя за непростительную опрометчивость, пока не умерла от тоски и голода, окончательно заблудившись в густой овчине.

РУЧЕЙ

Один легкомысленный ручей запамятовал, что своими водами он обязан дождю. После сильного ливня он так непомерно раздулся, что, у ратив скромность, вообразил стать полноводной рекой.

Чтобы расширить ложе, разбушевавшийся не на шутку ручей принялся подтачивать берег, размывать землю и обрушивать камни.

Но вот ветер разогнал тучи и снова выглянуло яркое солнце. Сам того не ведая, строптивый ручей оказался пленником сооруженной им запруды. Чтобы не превратиться в грязную лужу и не высохнуть на солнцепеке, ему пришлось немало попотеть, плутая среди разбросанных камней, прежде чем он смог спуститься в долину и отдать свои воды законной хозяйке — реке.

ПЕРСИКОВОЕ ДЕРЕВО

В одном саду рядом с орешником росло персиковое дерево. Оно то и дело с завистью поглядывало на ветви соседа, щедро усыпанные орехами:

— Отчего у него столько плодов, а у меня так мало? — не переставало ворчать нерадивое дерево. — Разве это справедливо? Пусть и у меня будет столько же персиков! Чем я хуже его?

— Не зарься на чужое! — сказала ему каким-то росшая поблизости старая слива. — Неужели ты не видишь, какой крепкий ствол и гибкие ветки у орешника? Чем ворчать понапрасну да завидовать, постарайся-ка лучше вырастить добротные сочные персики.

Но ослепленное черной завистью персиковое дерево не пожелало прислушаться к добрым советам сливы, и никакие доводы на него не действовали. Оно тут же повелело своим корням поглубже вгрызаться в землю и поболе извлечь живительных соков и влаги. Ветвям оно приказало не скупиться на завязь, а цветам превратиться в плоды.

Когда прошла пора цветения, дерево оказалось увешанным с ног до головы зреющими плодами.

Наливаясь соком, персики тяжелели день ото дня, и ветвям было невмоготу удерживать их на весу.

И вот однажды дерево застонало от натуги, ствол с треском надломился, а спелые персики попадали все до единого на землю, где и сгнили у подножия невозмутимого орешника.

ЛЕВ

У малышей еще не прорезались глаза. Они пока беспомощно ползают между лап мамы-львицы и тыкаются слепыми мордочками в теплый материнский живот в поисках вкусного молока, оставаясь глухи к любому другому зову.

Стараясь не мешать своей подруге ухаживать за сосунками, гордый лев стоял в стороне и внимательно наблюдал за своим семейством.

Вдруг он тряхнул царственной гривой и издал мощный раскатистый рев.

Львята тотчас прозрели, а все остальные обитатели саванны в ужасе разбежались.

Подобно грозному львиному рыку, пробуждающему львят к жизни, справедливая похвала или хула разумных родителей помогает раскрытию добродетелей в наших детях. Тем самым взрослые побуждают ребят к учебе и радению, изгоняя из них прочь все некрасивое и дурное.

ПАУК И СТРИЖ

Трижды паук был вынужден натягивать между деревьями свою серебристую паутину, и всякий раз, пролетая на бреющем полете, стриж-насмешник разрывал крылом его сети.

— Почему ты мешаешь мне работать? — возмущенно спросил паук. — Разве я тебе помеха?

— Да ты само воплощение коварства! — прощебетал стриж в ответ. — А твоя паутина-невидимка — смертельная ловушка для насекомых.

— Тебе ли говорить, братец, такие слова? — подивился паук. — Чем же ты лучше меня? Днями напролет носишься с открытым клювом и хватаешь направо и налево тех же букашек, о коих теперь так печешься. Для тебя это занятие вроде забавы. Я же тружусь изо всех сил, тку тонкие нити и плету из них кружево. В награду за радение и честный труд получаю добычу, когда она попадает в сети.

Каждый горазд судить другого, смотря на мир со своей колокольни.

ОРЕШНИК И ВЯЗ

Орешник гордо покачивал ветвями, сплошь усыпанными еще не созревшими плодами.

Подняв глаза, он с удивлением обнаружил, что рядом выросло дерево с густой кроной, на ветвях которого, кроме листьев, ничего не было.

— Кто дал тебе право застить свет и мешать моим орехам набираться сил? — грозно спросил орешник. — Отвечай! Ты кто такой?

— Я вяз, — робко и учтиво ответил сосед.

— Ах ты вяз в листьях по уши увяз! — передразнил его недовольный орешник. А где же твои плоды? Не стыдно ли тебе без толку расти и мешать другим! Вот погоди! Скоро созреют мои орехи, попадают на сырую землю и прорастут. Тогда мы тебя разом со свету сживем.

И действительно, орехи удались на славу — все как на подбор. Но однажды мимо проходили солдаты. Увидев орешник, они с жадностью набросились на него, посрывали все орехи и обломали ветки.

Сердобольный вяз с сочувствием посмотрел на присмиревшего соседа.

— Бедный орешник! Напрасно ты пророс

чил мне погибель, не ведая, что тебя самого ждет печальная участь. И мне тебя вдвойне жаль, ибо пострадал ты из-за собственных орехов.

Орешник еще долго сокрушался, залечивая раны, а добрый вяз продолжал разрастаться, никому не завидуя и не желая худого.

СЫНОВЬЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Как-то поутру два старых удода, самец и самка, почувствовали, что на сей раз им не вылететь из гнезда. Густая пелена застлала им очи, хотя небо было безоблачным и день обещал быть солнечным. Но оба видели лишь мутную дымку и ничего уже не различали вокруг. Они были стары и немощны. Перья на крыльях и хвосте потускнели и ломались, словно старые сучья. Силы были на исходе.

Старики удоды решили не покидать более гнездо и вместе ожидать последний час, который не замедлит явиться.

Но они ошиблись, явились их дети. Пона-

чалу показался один из сыновей, случайно пролетавший мимо. Он заметил, что старым родителям нездоровится и туго приходится одним, и полетел оповестить остальных братьев и сестер.

Когда все молодые удоды были в сборе подле отчего дома, один из них сказал:

— От наших родителей мы получили величайший и бесценный дар — жизнь. Они вскормили взрастили нас, не жалея ни сил ни любви. И теперь, когда оба больны, слепы и уже не в состоянии прокормить себя, наш святой долг — вылечить и выходить их!

После этих слов все дружно принялись за дело. Одни немедля приступили к постройке нового, более теплого гнезда, другие отправились на ловлю букашек и червячков, а остальные полетели в лес.

Вскоре было готово новое гнездо, куда дети бережно перенесли старых родителей. Чтобы согреть их, они накрыли стариков крыльями, как наседка согревает собственным теплом еще не вылупившихся птенцов. Затем родителей напоили родниковой водой, накормили и осторожно выщипали сваляв-шийся пух и старые ломкие перья.

Наконец из леса вернулись остальные удоды, принеся в клюве травку, исцеляющую от слепоты. Все принялись врачевать больных

соком чудодейственной травки. Но лечение
шло медленно, и пришлось запастись тер-
нием, подменяя друг друга и не оставляя
родителей ни на минуту одних.

И вот настал радостный день, когда отец и
мать раскрыли глаза, огляделись и узнали
всех своих детей. Так сыновья благодарность
и любовь исцелили родителей, вернув им
зрение и силы.

СЕРДЕЧНАЯ ТЕПЛОТА

Два молодых страуса были
не себя от горя. Всякий раз,
как они принимались выси-
живать яйца, те лопались под
тяжестью их тела.

Отчаявшись добиться своего,
они решили отправиться за
советом к умной бывалой страу-
сихе, жившей на другом конце
пустыни.

Много дней и ночей пришлось бежать им,
пока они не добрались до цели.

— Помоги нам! — взмолились оба. — Вра-
зуми и научи нас, несчастных, как высижи-
вать яйца! Сколько мы ни старались, нам так
и не удалось получить потомство.

Внимательно выслушав их горестную ис-
рию, умная страусиха сказала в ответ:
— Дело это многотрудное. Помимо желан
и старания здесь надобно еще кое-что.
— Что же? — разом воскликнули оба стр
са. — Мы на все согласны!
— А коли так, слушайте и запоминай
Самое главное — это сердечная теплота. В
должны с любовью относиться к снесенно
яйцу, постоянно заботясь о нем, как о сам
дорогой для вас ценности. Только тепло
ваших сердец способна вдохнуть в него жиз
Окрыленные надеждой страусы отправ
лись в обратный путь.
Когда яйцо было снесено, самка и сам
принялись бережно ухаживать за ним,
спуская с него глаз, полных любви и нежн
ти.
Так прошло немало дней. От постоянно
бдения оба страуса еле держались на ногах
Но их вера, терпение и старания были возна
раждены. Однажды в яйце что-то дрогнул
оно треснуло и раскололось, а из скорлуп
выглянула пушистая головка крохотного
страусенка.

ЛОЗА И КРЕСТЬЯНИН

Лоза не могла нарадоваться, ви-
дя, как весной крестьянин осторож-
но вскопал вокруг нее землю, ста-
раясь не задеть заступом нежные
корни, как он любовно ухаживал
за ней, подвязывал, ставил проч-
ные подпорки, чтобы ей вольготнее
было расти. В благодарность за та-
кую заботу она решила во что бы то ни стало
одарить человека сочными душистыми гроздья-
ми.

Когда пришла пора сбора винограда, лоза
была с ног до головы увешана крупными кис-
тями. Рачительный хозяин все их срезал одну
за другой и бережно уложил в корзину. За-
тем, подумав, выкопал колья и подпорки и
не пустил их на дрова.

И бедной лозе ничего не осталось, как горе-
вать от незаслуженной обиды и мерзнуть всю
зиму на голой земле. Но на следующий год
она не была уже столь щедра, и недальновид-
ный крестьянин жестоко поплатился за свою
жадность.

ГОРНОСТАЙ

Однажды, когда лисица б
ла занята трапезой, мимо пр
бегал горностай в своем вел
колепном одеянии.

— Хочешь отведать, при
тель? Не стесняйся! — предл
жила ему насытившаяся
подобревшая лисица.

— Благодарю покорно, — с достоинств
ответил горностай, — но я уже пообедал.

— Ха, ха, ха! — засмеялась та. — Скро
нее вас, горностаев, не сыскать других живо
ных на земле. Какие же вы чистюли! Про
то диву даешься. Едите раз в день и предпо
таете голодать, лишь бы не замарать сво
шубку.

Вдруг откуда ни возьмись появились охо
ники. Рыжая молниеносно скрылась — толь
ко ее и видели, а горностай стремглав пом
чался к своему укрытию.

Но солнце успело растопить снег, и его но
ка, еще утром такая опрятная и ухожена
запылла грязью. Белоснежный горностай
несколько-замешкался, стараясь не запач
каться и вот тут-то охотники сразили ег

Умеренность служит надежной защитой от пороков. И гордый горностай предпочитает скорее погибнуть, нежели запятнать грязью свою чистоту.

ЧЕРЕМУХА И ДРОЗДЫ

У черемухи лопнуло всякое терпение. С той поры, как созрели ее терпкие ягоды, житья не стало от дерзких назойливых дроздов. С утра до вечера они кружились стаями над ней, безжалостно обдирая клювом и когтями все ветки.

— Пожалуйста, прошу тебя! — взмолилась она, обращаясь к самому докучливому дрозду.— Знаю, что мои ягоды — твои любимое лакомство. Поедай их на здоровье, мне не жалко. Но оставь в покое мои листья. Не срывай их! Под их сенью я спасаюсь от палящего солнца. И не терзай меня острыми когтями, не сдирай кожу!

Дрозд был первым забиякой в стае, и слова черемухи пришлись ему не по вкусу.

— Помалкивай, коли тебя не спрашивают! Самой природой так заведено, чтобы ты плодоносила ради моего удовольствия. Да что с тобой, дубиной стоеросовой, толковать!

Листочки и веточки пожалела, а того
знаешь, что все равно зимой пойдешь на др
ва.

Услышав такой ответ, черемуха еще пу
опечалилась и молча заплакала.

Но предрекавший ей гибель озорной дро
сам угодил в силок, поставленный крестьян
ном. Чтобы соорудить для пойманной пти
клетку, человек надергал прутьев из плет
и сломал несколько гибких веток у черемух

Так черемуха снова свиделась со свои
обидчиком, который теперь сидел понуро
клетке и был тише воды ниже травы. Но он
промолчала, вспомнив слова, услышанные
еще в молодости: как теплая одежда спасае
от стужи, так выдержка защищает от обид
Умножай терпение и спокойствие духа, и об
да, как бы горька ни была, тебя не коснет

Сидя в засаде, прожорливы
краб заметил, что многие рыб
вместо того чтобы резвиться н
речной стремнине, предпочита
кат спокойно плавать в тихой
тенистой заводи у большого
подводного камня.

Вода здесь была прозрачная, как воздух, и рыбы чувствовали себя вольготно, наслаждаясь тенью и радужными солнечными бликами.

Дождавшись ночи и убедившись, что ни одна живая душа его не видит краб дополз до облюбованного рыбами камня, вырыл под ним норку и притаился, как хищный зверь в логове. Зорко следил он своими выпученными глазами за проплывающими рыбами, и когда одна из них оказывалась поблизости, хитрец ловко подцеплял ее своей клешней и пожирал с превеликим удовольствием.

— Нехорошим делом занимаешься, сосед! — недовольно проворчал старый камень. — Прикрываешься мной, а сам исподтишка, как разбойник, изводишь беззащитных рыб. Но погоди, и на тебя управа найдется!

Но в ответ краб даже усом не повел. Довольный своей хитрой выдумкой, он продолжал безнаказанно разбойничать и лакомиться нежным рыбьим мясом.

Однажды разразилась гроза. Река вздулась от проливного дождя. Поднялся ветер, и большая волна с силой обрушилась на камень. От такого удара камень перевернулся и придавил насмерть зарвавшегося краба-разбойника.

ПАУК И ВИНОГРАД

Наблюдая несколько дней кряду за полетом мошкары, паук заметил, что чаще всего она тучами вьется над виноградником.

— Теперь мошкаре несдобровать! — ухмыльнулся паук и полез по лозе. Он протянул крепкую сеть к одной из самых крупных душистых кистей, а сам спрятался в углублении между прохладными виноградинами.

Из своего укрытия хитрый разбойник нападал исподтишка на беспечных мошек, привлеченных терпким запахом зреющего винограда и не подозревающих, какая их ждет опасность. Прожорливый паук передушил немало мошек, и подвох сходил ему с рук.

Но вот наступила пора сбора винограда. Урожай выдался богатый, и крестьянину пришлось немало потрудиться на своем винограднике. Ловко орудуя ножом, он срезал одну кисть за другой. Попалась ему и та, в которой притаился паук. Она тут же угодила в большую корзину, где была завалена другими крупными гроздьями.

Так виноград оказался ловушкой для

вероломного паука. Он хитро плел сети для других, а запутался в них сам и был раздавлен насмерть.

УСТРИЦА И МЫШЬ

Как-то устрица угодила в сеть и вместе с богатым уловом оказалась в рыбачьей хижине.

«Здесь всех нас ждет неминуемая гибель», — печально подумала она, видя, как в сваленной на полу куче задыхаются без воды и бьются в предсмертных муках ее собратья по несчастью.

Вдруг откуда ни возьмись явилась мышь.

— Послушай, добрая мышка! — взмолилась устрица. — Сделай милость, отнеси меня к морю!

Мышь понимающим взглядом оглядела ее: устрица на редкость крупная и красивая, да и мясо у нее, должно быть, сочное и вкусное.

— Хорошо, — с готовностью ответила мышь, решив поживиться легкой добычей, которая, как говорится, сама шла в руки. — Но прежде ты должна раскрыть створки своей раковины, чтобы мне удобнее было тебя нести

к морю. Иначе я с тобой никак не управлю
Плутовка говорила так убедительно, что
обрадованная ее согласием устрица не ус
ла подвоха и доверчиво раскрылась. Ум
мордочкой мышь тут же сунулась внутрь р
ковины, чтобы покрепче вцепиться зубам
мясо. Но впопыхах она забыла про осмот
тельность, и устрица, почувствовав нелад
успела захлопнуть свои створки, зажав кр
ко-накрепко, словно капканом, голову гры
на. Мышь громко запищала от боли, а п
ходившаяся поблизости кошка услыхала пи
одним прыжком настигла обманщицу и сц
пала.

Как говорится, хитри-хитри, да хвост бер
ги.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ И ЛАСТОЧКА

Прилепившись к стен
сарая под козырьком кры
ши, летучая мышь укры
лась с головой перепон
чатыми крыльями, чтобы
не видеть солнечного света. Так она провела
весь день до заката.

Когда солнце скрылось за горизонтом и небо потемнело, она высунула голову из-под крыши и осторожно огляделась вокруг.

— Наконец-то погас этот отвратительный свет! — сказала она.— Ах, как затекли мои бедные лапки! Уж теперь я их разомну и всласть полетаю в ночном приволье.

Как раз в это время возвращалась домой запоздалая ласточка, уставшая после дневных забот. Она чуть было не столкнулась с летучей мышью, которая резко, по-воровски, вылетала из своего укрытия под навесом.

— Чтоб тебе пусто было! — в сердцах промолвила ласточка. — Ты, как злое напоминание, не можешь жить открыто и честно.

Ласточка была права. Добру незачем таиться и некого бояться, ибо оно всех одаривает теплом и радостью, как солнечный день. А вот летучая мышь, боясь ослепнуть, сторонится и бежит от света, точно ложь от правды.

НЕВОД

И вновь в который раз невод принес богатый улов. Корзины рыбаков были доверху наполнены головлями, карпами, линями, щуками, угрями и множеством другой снеди.

Целые рыбьи семьи с чадами и домочадцами, были вывезены на рыночные прилавки и готовились окончить свое существование, корчась в муках на раскаленных сковородах и в кипящих котлах. А оставшиеся в реке рыбы, не осмеливаясь даже плавать, зарылись поглубже в ил. Как жить дальше?

Жизнь или смерть — вот в чем вопрос! Но в одиночку с неводом не совладать. Его ежедневно забрасывают в самых неожиданных местах. Он беспощадно губит рыб, и в конце концов вся река будет опустошена.

— Мы должны подумать о судьбе наших детей, имеющих полное право на существование. Никто, кроме нас, не позаботится о них и не избавит от страшного наваждения, — рассуждали пескари, собравшиеся на совет под большой корягой.

— Но что мы можем предпринять? — робко спросил линь, прислушиваясь к речам

— Уничтожить невод! — в едином порыве ответили пескари.

В тот же день всезнающие юркие угри разнесли по реке весть о принятом смелом решении. Всем рыбам от мала до велика предлагалось собраться завтра на рассвете в глубокой тихой заводи, защищенной развесистыми ветлами.

Тысячи рыб всех мастей и возрастов приплыли в условленное место, чтобы объявить неводу войну.

Руководство военными действиями взял на себя бывалый карп, которому не раз удавалось перегрызать сети и бежать из плена.

— Слушайте все внимательно! — обратился он к собратьям. — Невод шириной с нашу реку. Чтобы он держался стоймя под водой, к его нижним узлам прикреплены свинцовые грузила. Приказываю всем рыбам **разделиться** на две стаи. Первая должна поднять грузила со дна на поверхность, а вторая стая будет крепко держать верхние узлы сети. Щукам поручается перегрызть веревки, коими невод крепится к обоим берегам.

Затаив дыхание, рыбы внимали каждому слову предводителя.

— Приказываю угрям тотчас отправиться на разведку! — продолжал карп. — Им

надлежит установить, куда заброшен невод.

Угри отправились на задание, а рыбьи стаи сгрудились у берега в томительном ожидании. Пескари тем временем старались ободрить самых робких и советовали не поддаваться панике, даже если кто угодит в невод: ведь рыбакам все равно не удастся вытащить его на берег.

Наконец угри возвратились и доложили, что невод уже заброшен примерно на расстоянии одной мили вниз по реке.

И вот огромной армадой рыбьи стаи поплыли к цели, ведомые мудрым карпом.

— Плывите осторожно! — предупреждал вожак. — Глядите в оба, чтобы течением не затащило в сети. Работайте вовсю плавниками и вовремя тормозите!

Впереди показался невод, серый и зловещий.

Охваченные порывом гнева, рыбы смело ринулись в атаку. Вскоре невод был приподнят со дна, державшие его веревки перерезаны острыми щучьими зубами, а узлы порваны. Но разъяренные рыбы на этом не успокоились и продолжали набрасываться на ненавистного врага. Ухватившись зубами за искалеченный дырявый невод и усиленно работая плавниками и хвостами, они тащили его

в разные стороны и рвали на мелкие клочья. Вода в реке, казалось, кипела.

Рыбаки еще долго рассуждали, почесывая затылки, о таинственном исчезновении невода, а рыбы до сих пор с гордостью рассказывают эту историю своим детям.

ОСЕЛ НА ЛЬДУ

Проплутав по полям до самых сумерек, осел так утомился, что не в силах был дотащиться до своего стойла. Зима в том году стояла суровая — все дороги обледенели.

— Мочи нет боле. Передохну немного здесь, — сказал вконец обессиленный осел и растянулся на льду.

Откуда ни возьмись подлетел юркий воробей и прочирикал ему на ухо:

— Осел, очнись! Ты не на дороге, а на замерзшем пруду.

Но ослу так хотелось спать, что он уже ничего не слышал. Сладко зевнув, он крепко заснул, и вскоре из его ноздрей повалил пар. Под действием тепла лед стал понемногу подтаивать, пока с треском не обломился.

Оказавшись в студеной воде, осел тотчас

проснулся и стал звать на помощь. Но бы
уже поздно и бедняга захлебнулся.

Никогда не следует гнушаться добры
советом, особенно когда находишься в не
знакомом месте.

СОКОЛ И ЩЕГЛЯТА

Вернувшись с охоты, сокол, к величайше
удивлению, обнаружил в собственном гне
де двух щеглят, сидевших бок о бок с ег
неоперившимися птенцами.

Он был не в духе, потому что охота в то
ненастный день не удалась: попадалась одн
мертвечина. А соколы, как известно, ско
рее умрут с голоду, но никогда не станут пи
таться падалью.

При виде незванных гостей он еще боле
озлился и хотел было выместить на них
свою досаду и растерзать их в клочья, но вов
ремя одумался. Даже в гневе негоже соколу
обижать беззащитных пичужек.

— Откуда вы взялись здесь? — грозно спро
сил хозяин гнезда.

— Мы заблудились в лесу во время дождя.
— пропищал еле-еле один из щеглят.

Хищник метнул на него гневный взор. Его
распирала злость и мучил голод.

Дрожа от страха, два щегленка прижались друг к другу и не смели ни вздохнуть, ни пикнуть.

Оба были жирненькие и упитанные, но такие беспомощные и жалкие, что гордый сокол был не в силах наброситься на них. Он только закрыл глаза и отвернулся, чтобы не поддаться соблазну.

— Вон отсюда! — зычно приказал хищник. — Чтобы духу вашего здесь не было!

И когда те стремглав полетели прочь, сокол обернулся к своим голодным птенцам и сказал.

— Наш удел — крупная добыча. Лучше умереть с голоду, чем позволить себе пожиниться невинной птахой.

ВЕЛИКОДУШИЕ

Высунув голову из гнезда, орленок увидел множество птиц, летающих внизу среди скал.

— Мама, что это за птицы? — спросил он.

— Наши друзья, — ответила орлица сыну. — Орел живет в одиночестве — такова его

доля. Но и он порою нуждается в окружении. Иначе какой же он царь птиц? Все, кого ты видишь внизу, — наши верные друзья.

Удовлетворенный маминым разъяснением орленок продолжал с интересом наблюдать за полётом птицы, считая отныне их своими верными друзьями.

Вдруг он закричал:

— Ай-ай, они украли у нас еду!

— Успокойся, сынок! Они ничего у нас не украли. Я сама их угостила. Запомни раз и навсегда, что я скажу тебе! Как бы орел ни был голоден, он непременно должен поделиться частью своей добычи с птицами, живущими по соседству. На такой высоте они не в силах найти себе пропитание, и их следует помогать.

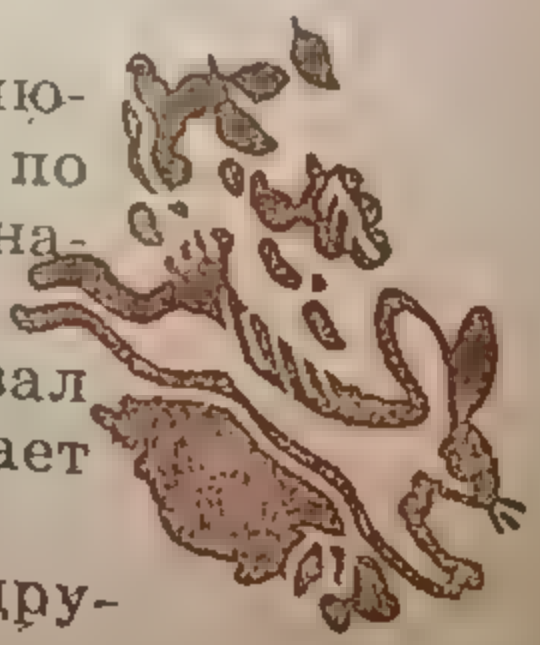
Всяк, кто желает иметь верных друзей, должен быть добрым и терпимым, проявлять внимание к чужим нуждам. Почет и уважение добываются не силой, а великодушием и готовностью поделиться с нуждающимся последним куском.

ЛЕВ И ЯГНЕНОК

Однажды голодному льву подбросили в клетку живого ягненка. Малыш был настолько наивен и добродушен, что ничеть не оробел при виде царя зверей. Приняв его, видимо, за свою маму, несмышленыш подошел к грозному мохнатому зверю, ласково заблеял и уставился на него своими широко раскрытыми ясными глазами, полными безграничной любви, кротости и восхищения.

Лев был обезоружен такой доверчивостью и не посмел растерзать ягненка. Недовольно ворча, он так и заснул в тот раз голодным.

ФИЛИНЫ И ЗАЯЦ



Сидя на суку, два филина наблюдали за зайцем, который носился по осенней стерне, словно за ним гналась свора борзых.

— Бедный зайчишка! — сказал один филин. — Ему даже недостает смелости укрыться в норе.

— Почему? — заинтересовался другой.

— Потому что боязно.

— Странно. Чего же ему бояться в собственном доме?

— Все зайцы таковы,—ответил первый финлин. — Они живут в вечном страхе, а у страха глаза велики. Особенно теперь, когда начался листопад, зайцы носятся как угорелые при виде разноцветного дождя опадающих листьев. Их пугает любая перемена в природе.

— Так, значит, зайцы трусы!

— Конечно. Вот и этот зайчишка скачет без оглядки по голому полю, пока не угодит в капкан или не попадет на мушку меткому охотнику.

Воистину говорят: кто в страхе живет, тот и гибнет от страха.

ВЕРБЛЮД И ХОЗЯИН

Опершись на согнутые колени, верблюд терпеливо ждал, пока хозяин навьючит его. Он уже положил ему на спину один тюк, затем другой, третий, четвертый...

«Пора бы ему остановиться»,— с грустью думал верблюд, не смея перечить хозяину.

Наконец человек управился со своим делом и повелительно щелкнул бичем. Верблюд с трудом поднялся на ноги.

— Пошли! — приказал хозяин и дернул за узду. Но животное не тронулось с места.—

— Чего стал? Пошевеливайся! — грозно крикнул человек и дернул за узду что есть силы.

А верблюд уперся ногами в землю и продолжал стоять как вкопанный.

— Ах ты упрямец, — догадался хозяин и со вздохом сбросил два тюка со спины животного.

— Теперь, кажется, мне под силу, — пробормотал про себя верблюд и послушно двинулся в путь.

Так они прошагали целый день под поляшим солнцем, и человек подумал, что хорошо было бы засветло добраться до ближайшего селения. Словно разгадав его мысли, верблюд вдруг остановился.

— Вперед! — зычным голосом крикнул хозяин. — Еще немного пути, и мы будем на месте.

«Ноги у меня гудят, и сегодня я потрудился вдоволь. Хозяину пора бы и честь знать»,— рассудил про себя верблюд и растянулся на песке.

И хотя человека распирала досада, но

пришлось все же развьючить животное устраиваться на ночлег в пустыне под откр тым небом.

Думая только о корысти, хозяин, видат забыл добрую дедовскую пословицу, что одного верблюда две шкуры не дерут.

ЛЬВИЦА

Вооруженные дротиками и острыми пика ми охотники неслышно подкрадывались ва ближе и ближе. Львица, кормившая малы шей-сосунков, вдруг учуяла незнакомый за пах и тотчас поняла, что близка опасность Но было поздно. Охотники уже обложил зверя тесным кольцом и готовы были в лю бую минуту сразить его наповал.

При виде людей с оружием в руках львиц оторопела. Она хотела было спастись бегством, но тут же одумалась: ведь тогда ее львята станут легкой добычей для охот ников.

Мать решила защитить малышей ценою собственной жизни. Низко пригнув голову чтобы видеть нацеленные на нее острые пи ки, она в отчаянном прыжке ринулась на людей и обратила их в бегство.

Беспомощные львята были спасены.

СТРА

С некоторых п
самые отчаянные
как не могли вз
невероятные зл
будь из них о
жистого дерева

Поползли сл
Поговаривали,
ще, от которог
лесной братии.

Собравшись
думали и обр

— Ты у н
проворная.
ведай, в чем
такой посел

Польщенн
себя долго
гласившись
вовсе не со
шкурой ра
немкого, ры
вить к злос
любопытн

Полета
разгляд

СТРАШНЫЙ ЗВЕРЬ

С некоторых пор все обитатели леса, даже самые отчаянные смельчаки и проныры, никак не могли взять в толк, отчего случались невероятные злоключения, стоило кому-нибудь из них оказаться подле старого крякжистого дерева с густой кроной?

Поползли слухи, один страшней другого. Поговаривали, что в лесу завелось чудовище, от которого скоро-де придет конец всей лесной братии.

Собравшись на большой совет, звери подумали и обратились к лисе:

— Ты у нас, лисонька, самая хитрая и проворная. Сделай милость, голубушка, выведай, в чем тут дело? Узнай, что за зверь такой поселился на старом дереве?

Польщенная вниманием лисица не стала себя долго упрашивать. Но милостиво согласившись выполнить такую просьбу, она вовсе не собиралась рисковать собственной шкурой ради общего блага. Поразмыслив немного, рыжая плутовка смекнула направить к злосчастному дереву свою подругу — любопытную сороку.

Полетав вокруг да около, сорока успела разглядеть среди густой листвы два светящихся огонька и услышала, как кто-то чавк

захлопал крыльями. С этой вестью на хв
те она вернулась ни жива ни мертва от ст
ха.

Лисица тут же собрала всех зверей и об
вила:

— — Большая беда пришла в наш ле
друзья. Завелся страшный зверь по про
ванью чудо-юдо. Пока еще никто не видел е
клыкастую пасть и не слышал дикого ре
Но я судьбу испытывать не хочу, да и вам
советую, — и с этими словами лиса отправ
лась на житье в соседний лес. За ней мол
последовали все остальные.

А на старом дереве, забившись в самую
гущу ветвей, сидел глазастый филин и не
доумевал, отчего вдруг все звери в лесу то
но вымерли?

Взаправду говорят: у страха глаза велик

УКУС ТАРАНТУЛА

Однажды вскапывая огород, крестьянин
увидел, как из-под кома земли выскочил
большой тарантул.

— Какой мерзкий паук! — воскликнул
крестьянин и от неожиданности отпрянул в
сторону.

— Только тронь — укушу! — угрожающе прошипел тарантул и задвигал челюстями. — Знай, невежда, что мой укус смертелен и ты умрешь, корчась в страшных муках. Не подходи, не то хуже будет!

Крестьянин, однако, смекнул, что тот явно привирает, набивая себе цену, раз так много разговаривает. Он сделал шаг назад, а затем с силой придавил велеречивого паука ногой, приговаривая:

— На словах-то ты страшон, а каков на самом деле? Поглядим, удастся ли тебе отправить меня к праотцам!

В последний момент тарантул все же успел укусить занесенную над ним ступню. То ли крестьянин был настолько уверен, что угрозы паука — пустое бахвальство, то ли кожа на его ногах вконец огрубела, но, кроме легкого укола, он ничего не ощутил.

ЛЕВ И ПЕТУХ

Проснувшись на рассвете, царь зверей сладко потянулся и прямиком направился к реке. Для порядка он мощно рыкнул, оповещая о своем приближении всякое мелкое зверье, которое обычно собирается у водопоя и мутит воду.

Вдруг он остановился, заслышав непривычный шум. Обернувшись, лев увидел, что на него во весь опор несется разгоряченная лошадь, за которой грохочет, подпрыгивая на камнях, пустая таратайка.

Лев прыгнул в ближайшие кусты и зажмурился от страха. Ему еще ни разу в жизни не приводилось видывать столь диковинное тарахтящее животное.

Отсидевшись в кустах и немного придя в себя от испуга, лев вышел, озираясь, из зарослей и осторожной походкой вновь направился к водопою.

Но не успел он пройти несколько шагов, как его слух поразил пронзительный клич. Где-то поблизости надрывался голосистый петух. Лев остановился как вкопанный, и его

начала бить мелкая дрожь. А петух, словно издеваясь, заголосил еще пуще во всю свою луженую глотку и к тому же принялся носиться по кругу, воинственно потрясая красным гребешком.

Из-за высокой травы льву был виден только подрагивающий огненный хохолок да слышен незнакомый клич: «ку-ка-ре-ку!» Не помня себя от страха и забыв про жажду, посрамленный царь зверей умчался в чащу леса.

Видать и для льва выдаются несчастливые дни, когда все идет шиворот-навыворот и на каждом шагу подстерегают злоключения.

ВОЛК

Привлеченный запахом овечьей отары, матерый волк, осторожный и подозрительный, вышел ночью из глубины леса. Крадучись и неслышно ступая лапами, дабы малейшим шорохом не разбудить чуткого пса, он вплотную подошел к загону, где стояли жирные овцы, тесно прижавшись друг к другу.

Добыча была близка. Манящий запах так сильно бил в ноздри, что у голодного волка свело живот и закружилась голова. И в этот самый миг он оступился, задев лапой камень.

Чтобы наказать себя за промах, волк поднял оплошавшую лапу и укусил ее до крови.

СОКОЛ И УТКА

Всякий раз охотясь на уток, сокол выходил из себя. Эти жирные плутни постоянно надували его в самый последний миг, когда он готов был вонзить свои когти, они успевали нырнуть под воду и оставались там гораздо дольше, нежели он мог недвижно продержаться в воздухе, ожидая их появления.

В то утро сокол вновь решил попытать счастья. Сделав несколько парящих кругов, хищник оценил обстановку и точно наметил очередную жертву. Сложив крылья, он устремился вниз, словно камень, выпущенный из пращи. Но перед самым его носом утка успела нырнуть в воду.

— На сей раз тебе несдобровать! — крик-

нул разозлившийся сокол и нырнул вслед за ней.

Увидев хищника под водой, утка ловко отпрянула в сторону и тут же юркнула вверх. Выскочив на поверхность, она как ни в чем не бывало взмахнула крыльями и полетела, а отяжелевший сокол никак не мог выбраться из воды.

Пролетая над незадачливым охотником, барахтающимся в воде, утка весело прокричала сверху:

— Прощай, дружок! Я в твоем небе чувствую себя, как в воде, а ты в моем озере захлебнешься! Впредь будешь умнее.

ОБЕЗЬЯНКА И ПТЕНЕЦ

Прыгая с ветки на ветку, молоденькая обезьянка нашла гнездо с птенцами. Она тотчас запустила в него лапу, но птенцы мгновенно упорхнули в разные стороны. Не повезло лишь самому слабому из них, не умевшему пока летать.

Не чувствуя под собой ног от

радости, обезьянка вернулась домой с птенчиком в руках. Он так очаровал ее, что она принялась его ласкать, чмокать, облизывать, качать на руках и крепко прижимать к груди.

Мать умиленно посмотрела на дочь, но не пожурила за шалость.

— Ты только посмотри, мама, какой он милый и потешный! — восторженно кричала обезьянка. — Ах, как я его люблю!

Она продолжала целовать и тискать пичужку, пока та не задохнулась в жарких объятьях.

Пусть призадумаются некоторые родители, неспособные вовремя одернуть своих детей, потакая опасным забавам, которые никогда добром не кончаются

ОРЕЛ-НАСМЕШНИК

Отдохнув после удачной охоты и сытной трапезы, орел высоко взмыл в небо и стал парить на могучих крыльях в голубом просторе. Несмотря на головокружительную высоту, острое зрение позволяло ему видеть все, что творится на земле. Он различал даже рыб в озере, не говоря уж о зайцах, резвящихся на лесной поляне. Но вот его внимание прив-

лек филин сидевший на суку. «Какое страшное существо, — подумал орел. — Вряд ли это птица». Подгоняемый любопытством, он начал спускаться вниз и, подлетев поближе, крикнул незнакомцу:

— Эй, ты! Как тебя зовут?

— Я филин — ответила птица, дрожа от страха.

— Ха,ха,ха! — рассмеялся орел и сел рядом на сук. — Отчего ты, братец, так безобразен и смешон? Одни глаза да перья.

Орел был в благодушном настроении, и его подмывало позабавиться над перепуганным до смерти филином, уж такая их природа.

— А ну-ка посмотрим поближе на это пугало да послушаем, каков у него голосок. Если он столь же прекрасен, как и его хозяин, придется заткнуть уши.

Продолжая насмехаться над бедной птицей орел раздвинул крыльями густые ветки, чтобы вплотную приблизиться к своей жертве.

Как раз в этом месте крестьянин расставил силки и густо смазал смолой толстые ветки и ствол. Орел вдруг почувствовал, что его крылья прилипли к дереву. Как ни старался он высвободиться, перья сильнее слипались, а крылья и когтистые лапы окончательно

запутались в сетях. Тогда филин сказал насмешнику:

— Напрасно ты куражился, орел! Стоило спускаться с небес, где тебе не грозит никакая беда? А теперь расплачивайся за насмешки!

МЕДВЕЖОНОК И ПЧЕЛЫ

Не успела медведица отлучиться по делам, как ее непоседливый сынок, забыв о мамином наказе сидеть дома, вприпрыжку помчался в лес. Сколько здесь раздолья и незнакомых манящих запахов! Не то что в тесной душной берлоге. Вне себя от радости медвежонок принялся гоняться за бабочками, пока не наткнулся на большое дупло, откуда так сильно пахнуло, что в носу защекотало.

Приглядевшись, малыш обнаружил, что пчел здесь видимо-невидимо. Одни летали с грозным жужжанием вокруг дупла, точно часовые, а другие прилетали с добычей и, юркнув внутрь, снова улетали в лес.

Завороженный этим зрелищем любопытный медвежонок не мог удержаться от соблазна. Ему не терпелось поскорее выведать, что творится внутри дупла. Вначале он просунул туда нос и понюхал, а затем погрузил

лапу и почувствовал что-то теплое и липкое. Когда он вытащил лапу наружу, она была вся в меду.

Не успел он лизнуть сладкую лапу и зажмуриться от удовольствия, как на него налетела туча свирепых пчел, которые впились ему в нос, уши, рот... От нестерпимой боли медвежонок взвыл и стал отчаянно защищаться, давя лапами пчел. Но те еще пуще жалили. Тогда он принялся кататься по земле, стараясь заглушить жгучую боль, но и это не помогало.

Не помня себя от страха, малыш пустился наутек к дому. Весь искусанный прибежал он в слезах к своей маме. Медведица для порядка пожурила его за баловство, а затем промыла покусанные места студеной ключевой водой.

С той поры медвежонок твердо знал, что за сладкое приходится горько расплачиваться.

ССОРА

— Как воркуют голубки! Глядеть на них любо-дорого! — сказал как-то дворовый пес, не сводя глаз с голубятни. — Видать, все птахи живут в добром согласии, не чета нам с кошкой.

— Не очень-то обольщайся насчет птиц, любезный, — не преминула возразить кошка, сидевшая на высоком заборе. — Лучше послушай, что сейчас творится в курятнике.

Оттуда доносились громкое кудахтанье и шум перепалки. А вскоре на двор выскочил как ошпаренный старый, взъерошенный петух и заковылял в сторону, оставляя за собой кровавый след. Из курятника послышалось победное «ку-ка-ре-ку!».

— Опять два петуха не поладили, — продолжала всезнающая кошка. — Пока один из них был цыпленком, куда ни шло, в курятнике было спокойно. Не успел он подрасти, как стал ужасным драчуном и задирой.

Кошка была права. Куры под одной крышей живут в мире и согласии, а два петуха никогда не могут ужиться в одном курятнике — уж такая их природа.

ЖАЖДУЩИЙ ОСЕЛ

В положенное время осел пришел на водопой. Но утки на пруду так раскрякались и разыгрались, хлопая крыльями, что замутили всю воду.

Хотя осла мучила нестерпимая жажда, он не стал пить и, отойдя в сторонку, приялся терпеливо ждать.

Наконец утки угомонились и, выйдя на берег, ушли прочь. Осел вновь подошел к воде, но она была еще мутная. И он опять отошел с понурой головой.

— Мама, почему же он не пьет? — спросил любопытный лягушонок, заинтересовавшись поведением осла. — Вот уже дважды он подходит к пруду и отходит ни с чем.

— А все потому, — ответила мама лягушонка,— что осел скорее умрет от жажды, нежели притронется к грязной воде. Он будет терпеливо ждать, пока вода не очистится и не станет прозрачной.

— Ах какой же он упрямый!

— Нет, сынок, он не столько упрямый, сколько терпеливый, — пояснила лягушка. — Осел готов сносить все тяготы и огорчения. А упрямым его величает всяк, кому самому недостает выдержки и терпения.

ЛИСИЦА И СОРОКИ

Проплутав однажды напрасно по лесу, голодная лисица оказалась на поляне под большим деревом, на котором резвилась шумная стая сорок.

Схоронившись в высокой траве, лисица стала наблюдать за возней птиц и вскоре приметила, что в поисках корма те безбоязненно слетают на землю и клюют все без разбора, не гнушаясь даже падалью.

— Ну что же, попытаем счастья, — сказала про себя рыжая плутовка, исходя слюной при виде жирных беспечных сорок.

Дабы не спугнуть разыгравшихся белохвостых подружек, она потихоньку растянулась под деревом, и , раскрыв пасть, притворилась мертвой.

Вскоре одна из птиц заметила лежащую на траве лисицу и слетела с дерева.

Ее распирало любопытство, и она приблизилась к бездыханной лисице. Чтобы половчее клюнуть ее в язык, сорока неосмотрительно просунула клюв в лисью пасть и тут же оказалась зажатой намертво как в капкане.

ЗАВЕЩАНИЕ ОРЛА

Старый орел давно потерял счет годам, живя в гордом одиночестве среди неприступных скал. Но силы ему стали изменять, и он почувствовал, что конец его близок.

Мощным призывным клекотом орел созвал своих сыновей, живших на склонах соседних гор. Когда все были в сборе, он оглядел каждого и молвил:

— Все вы вскормлены, взращены мной и с малых лет приучены смело смотреть солнцу в глаза. Я уморил голодом тех ваших братьев, кои не переносили ослепительного сиянья. Вот отчего вы по праву летаете выше всех остальных птиц. И горе тому, кто посмеет приблизиться к вашему гнезду! Все живое трепещет пред вами. Но будьте великодушны и не чините зла слабым и беззащитным. Не забывайте старую добрую истину: бояться себя заставишь, а уважать не принудишь.

Сыновья с почтением внимали речам родителя.

— Дни мои сочтены, — продолжал тот.— Но в гнезде я не хочу умирать. Нет! В последний раз устремлюсь в заоблачную высь,

куда смогут поднять меня крылья. Я полечу навстречу солнцу, чтобы в его лучах сжечь старые перья, и тотчас рухну в морскую пучину...

При этих словах воцарилась такая тишина, что даже горное эхо не осмелилось ее нарушить.

— Но знайте! — сказал отец сыновьям напоследок. — В этот самый миг должно совершиться чудо: из воды я вновь выйду молодым и сильным, чтобы прожить новую жизнь. И вас ждет та же участь. Таков наш орлиный жребий!

И вот, расправив крылья, старый орел поднялся в свой последний полет. Гордый и величавый, он сделал прощальный круг над скалой, где взрастил многочисленное потомство и прожил долгие годы. Храня глубокое молчание, его сыновья наблюдали, как орел смело устремился навстречу солнцу.

ЛЕСНОЙ ЖАВОРОНОК

В глухом лесу жил старый отшельник. Он любил тишину, уединение и водил дружбу с лесным жаворонком. Однажды к нему пришли два оруженосца из соседнего замка и попросили оказать помощь их заболевшему хозяину, которому несмотря на старания знаменитых лекарей с каждым часом становилось все хуже.

Сопровождаемый своим другом жаворонком старик тут же отправился в путь за оруженосцами, и вскоре его ввели в замок.

У изголовья больного собрались четыре лекаря. Они вели между собой неспешный разговор, то и дело озабоченно покачивая головами.

— Помочь уже ничем нельзя, — тихо произнес один из них, по виду самый важный.

А отшельник, остановившись у порога, не спускал глаз со своего пернатого друга. Жаворонок сделал несколько кругов под потолком, а затем, подлетев к высокому подоконнику, уселся и стал пристально смотреть на больного.

— Выздоровеет! — утвердительно сказал старик, наблюдая за птицей.

— Как смеет этот мужлан и невежда совать нос в чужие дела! — разом воскликнули возмущенные лекари.

А тем временем умирающий приоткрыл глаза и, увидев перед собой сидящую на подоконнике птицу, попытался улыбнуться.

Его щеки постепенно начали розоветь, силы возвращаться, и, ко всеобщему удивлению, хозяин замка промолвил слабым голосом:

— Я чувствую себя немного лучше.

Прошло несколько дней. Окончательно справившись после тяжелого недуга, знатный рыцарь пожаловал к отшельнику в лес, желая отблагодарить своего исцелителя.

— Не меня благодари, — сказал ему старик.—Это птица тебя исцелила. Жаворонок очень чуток к любой хвори. Коли он смотрит в сторону, оказавшись около больного. —надежды на выздоровление мало, и тут уже трудно чем-либо помочь. Если же он глаз не сводит с больного, то тому наверняка удастся побороть болезнь. Своим добрым участливым взглядом пичужка приносит исцеление.

И в нашей жизни добро, как чуткий жаворонок, сторонится всего нездорового, урод-

...ливого и дурного, предпочитая жить бок о бок с честными, благородными помыслами и поступками. Подобно птицам, вьющим свои гнезда в тенистых лесах и на цветущих лугах, доброта всегда обитает в чутком, отзывчивом сердце.

Истинная любовь сказывается в несчастье. Как огонек, она тем ярче светит, чем темнее ночная мгла.

ЖУРАВЛИ

Жил-был на свете добрый король, но врагов у него было видимо-невидимо. Послушные и верные ему журавли очень беспокоились за его судьбу. Опасность подстерегала короля ежедневно, особенно ночью, когда злые недруги могли беспрепятственно окружить дворец.

— Что же нам предпринять? — задумались журавли, собравшись на совет.— Ведь от солдат никакого прока. Вместо того, чтобы справно нести службу и охранять короля, они спят по ночам беспробудным сном. А собаки за

день так набегаются и намаются на охоте, что
и на них нельзя положиться. Остается только
нам сторожить дворец, чтобы наш добрый ко-
роль мог спокойно
И вот журавли
разделились
сторожевой
караула.
Самая
расположилась
руг дворца:
ходы, а остальные
королевской
ту не спускать глаз со
— А что, если кого-нибудь одолеет сон на посту? — спросил один молодой журавль.
— И против этой беды есть одно верное средство, — успокоил его вожак, умудренный жизненным опытом. — Пусть каждый из нас, стоя на посту, держит в лапе камень на весу. Если, не ровен час, кто-то заснет, то камень тут же выпадет из лапы и своим шумом оповестит всех остальных.
С той поры журавли поочередно бодрствуют по ночам, стоя на одной ноге и меняясь через каждые два часа. И никто еще не выронил камень, сохраняя верность принятому уговору.

За благородство души и верность долгу недаром же зовут этих журавлей венценосными или королевскими.

ГАДЮКА И СОЛОВЕИ

Пока соловьята безмятежно спали, тесно прижавшись друг к другу, их заботливые родители отправились на поиски корма.

Пронюхав это, гадюка поползла к гнезду, предвкушая легкую добычу. Но соловей уже поспешал к дому с червячком в клюве. Вовремя заметив злодейку, которая подкрадывалась к его гнезду, он закричал с мольбою в голосе:

— Остановись! Пощади моих невинных детей! Взамен за их жизнь я спою тебе песню, прекрасней которой ты никогда еще не слыхала...

И он защелкал, засвистал на все лады. По лесу разнеслись нежные чарующие звуки, полные несказанной красоты и светлой печали.

Гадюка растерялась и остановилась в нерешительности. Но чтобы не поддаваться очарованию соловьиных трелей, от которых даже яд в ее зубах мог утратить силу, она заткнула уши хвостом и поскорее убралась восвояси.

ПЕЛИКАН

Как только пеликан отправился на поиски корма, сидевшая в засаде гадюка тут же поползла, крадучись, к его гнезду.

Пушистые птенцы мирно спали.

Змея подползла к ним вплотную. Глаза ее сверкнули зловещим блеском — и началась расправа.

Получив по смертельному укусу, безмятежно спавшие птенцы так и не проснулись.

Довольная содеянным злодейка уползла в укрытие, чтобы оттуда вдоволь насладиться горем птицы.

Вскоре вернулся с охоты пеликан. При виде зверской расправы, учиненной над птенцами, он разразился громкими рыданиями, и все обитатели леса притихли, потрясенные неслыханной жестокостью.

— Без вас нет мне теперь жизни! — причитал несчастный отец, смотря на мертвых детишек. — Пусть я умру вместе с вами!

И он начал клювом раздирать себе грудь у самого сердца. Горячая кровь ручьями хлынула из разверзшейся раны, окропляя бездыханных птенцов.

Теряя последние силы, умирающий пеликан бросил прощальный взгляд на гнездо с погибшими птенцами и вдруг, от неожиданности, вздрогнул.

О чудо! Его пролитая кровь и родительская любовь вернули птенцов к жизни, вырвав их из лап смерти. И тогда, счастливый, он испустил дух.

ЛЕБЕДЬ

Склонив гибкую шею к зеркалу воды, лебедь долго всматривался в свое отражение. Он понял причину усталости и озноба, пронизывающего все тело словно в зимние холода.

Теперь он доподлинно знал, что час его пробил и настала неотвратимая пора прощания с жизнью.

Его перья были так же прекрасны и белоснежны, как и в далекие годы юности. Ему удалось пронести в незапятнанной чистоте свое одеяние через все жизненные невзгоды и испытания, через зной и стужу.

И теперь он был готов спокойно и достойно закончить свои дни.

Изогнув красивую шею, он медленно и величаво подплыл к старой плакучей иве, под чьей сенью любил, бывало, пережидать летний зной.

Опустился вечер, и закат окрасил в пурпур воды озера.

В глубокой вечерней тишине, воцарившейся вокруг, послышалось лебединое пение. Никогда ранее лебедь не пел с такой проникновенной задушевностью и щемящей тоской. Он вдохновенно пел о своей любви к природе, небу, воде, земле...

— Лебедь поет, — прошептали зачарованные прощальной песней рыбы, птицы, и все прочие обитатели полей, лесов и лугов. — Это песня умирающего лебедя.

Нежная грустная песня эхом разнеслась по округе и замерла с последними лучами солнца.

МАКЛИ

Давным-давно в далекой Скандинавии обитало диковинное животное по прозванию Макли.

Всем своим обликом оно походило на лошадь но было крупнее и выше, с непомерно длинной шеей и торчащими ушами. Макли питался травой. Но когда пасся на лугу, он непременно пятился назад. Его верхняя губа была настолько вытянута, что если бы он, как все травоядные, двигался вперед, его губа накрыла бы траву.

У него были длинные, негнущиеся ноги. И когда его одолевал сон, он вынужден был спать стоя.

Макли мог скакать наперегонки с ветром, выбрасывая вперед свои прямые длинные ноги. Ни одному охотнику не удавалось его изловить. За ним пробовали гнаться на самых резвых скакунах, устраивали засаду на любимых им пастбищах, но все попытки заканчивались провалом. Это строптивое животное поистине было неуловимым.

Но однажды лунной ночью охотники обнаружили спящего Макли. К своему удивлению они увидели, что тот спал стоя, прислонившись к дереву. Стараясь не вспугнуть

чуткое животное, они неслышно удалились, решив изловить его хитростью.

На следующее утро охотники вернулись на прежнее место и подпилили в нескольких местах ствол дерева, а к вечеру устроили засаду в кустах неподалеку.

После заката солнца Макли появился у своего привычного дерева и, как всегда, прислонился к нему, чтобы спокойно заснуть. Но под тяжестью сильного туловища подпиленный ствол обломился и рухнул, увлекая за собой животное. Вот тут-то охотники и заполучили долгожданную добычу.

ФЕНИКС

Высоко пролетая над безбрежной пустыней, феникс приметил далекий огонь костра на биваке. Он понял, что час великого жизненного испытания настал и ему надлежит стойко подчиниться велению судьбы.

Феникс был значительно крупнее всех живущих на свете орлов а по красоте и яркости оперения не шел с ними ни в какое сравнение.

Он величаво парил в ночном небе на распластанных крыльях, а затем широкими плавными кругами начал снижаться к земле.

Оказавшись над костром, он почувствовал, как языки пламени жадно лизнули его перья и обожгли лапы. Превозмогая боль и оставаясь верным долгу, феникс бесстрашно рухнул в огонь.

Костер зашипел, зачадил и начал угасать. Но вскоре из кучи золы стал пробиваться язычок голубого пламени, трепещущий на ветру и упрямо поднимающийся кверху, словно у него были крылья.

Это феникс возрождался из пепла, чтобы вновь прожить пятьсот лет в небе.

ВАСИЛИСК

В далекие времена на севере Африки произрастали пышные леса, богатые зверем и птицей, а полноводные реки кишмя кишели рыбой. Но однажды в тех краях объявилось страшное чудовище: полуптица-полузмея по прозванью Василиск. Над

его безобразной головой возвышался колю-
чий плавник, который горбом шел по спине
переходил в длинный хвост. У него были
перепончатые крылья, как у летучих мышей.

Все животные, большие и малые, пришли в
ужас от такого соседства, ибо даже взгляд
чудовища источал яд.

Стоило Василиску взглянуть на слона или
ястреба, как те падали замертво, поражен-
ные ядовитым взглядом, от которого не бы-
ло никакого спасения. Среди животных на-
чался повальный мор.

Оставшиеся в живых звери и птицы реши-
ли бежать без оглядки из этих гиблых мест.
Воспользовавшись ночной темнотой, они ра-
зом покинули родные норы и насиженные
гнезда.

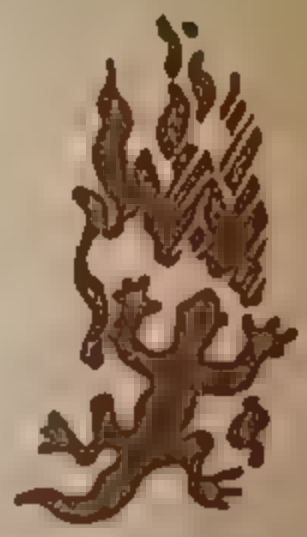
На следующее утро Василиск отправился
по обыкновению на охоту. Но сколько он ни
рыскал по лесам, никого там не обнаружил.
Вне себя от ярости чудовище устремило
свой губительный взор на деревья, и те тотчас
высохли и погибли. Тогда Василиск гневно
посмотрел на землю и камни, и вся трава
сгорела, а камни искрошились в песок. Он
бросил взгляд на реки, и те тут же обмелели.

Так когда-то цветущий край был превра-
щен в бесплодную пустыню.

САЛАМАНДРА

Как только загорелся крестьянский дом, все животные от мала до велика убежали со двора.

Перепуганные куры, гуси, голуби, кролики, овцы, свиньи, лошади вместе с дворовой собакой и кошкой наблюдали издалека за пожаром. Огненные языки пламени, раздуваемые ветром, жадно пожирали старые сухие бревна. Вот уже рухнула крыша и над пожарищем поднялся столб искр.



Вдруг из-за кустов выползла саламандра. Она постояла немного на своих коротких лапках, осмотрелась по сторонам и тут же юркнула в самое пекло.

От неожиданности все наблюдавшие за пожаром в ужасе вскрикнули и отпрянули назад.

— Не волнуйтесь! — успокоил их петух. — Огонь для саламандры — родная стихия, и она не чувствует боли от ожогов.

— Но ведь, бедняжка, все равно сгорит! — испуганно запричитала гусыня.

— В огне она меняет кожу, — ответил петух. — И такое дано только ей. Пламя де-

лает ее кожу прочнее и тоньше, и саламандра выходит из огня помолодевшей и обновленной.

Петух помолчал и, горестно вздохнув, добавил:

— А из нас на огне получается жаркое.

ЕДИНОРОГ

Удобно расположившись в тенистом саду, охотники предавались воспоминаниям о самых невероятных приключениях, которые порою случаются на охоте. Но вот разговор зашел о таинственном единороге.

— Это не зверь, а сущий призрак! — воскликнул один из них.

И действительно, в последнее время по всей округе только и разговору было что о маленькой лошадке с длинным рогом на лбу. Многие божились и клялись, что видели ее, но никому еще не удалось изловить диковинного зверя.

— А может быть, это злой дух, посланный из преисподней, чтобы следить за нами, грешными? — спросил один их охотников.

— Вряд ли. Единорог слишком красив и безобиден, чтобы быть злым, — возразил другой. — Но изловить его — дело мудреное, и тут нужна особая смекалка.

Чуть поодаль сидела за пяльцами миловидная девушка. Слушая эти речи, она улыбалась про себя. Кому-кому, а ей хорошо был известен нрав таинственного незнакомца, ибо она водила с ним дружбу, о чем никто не ведал в округе.

Дело в том, что сторонившийся всего дурного и злого маленький неуловимый единорог тянулся к добрым красивым девушкам.

Когда охотники разошлись и сад опустел, из-за кустов осторожно вышел единорог. Неслышно ступая по траве, он приблизился к своей подруге, улегся перед ней и, положив морду ей на колени, уставился на девушку преданными глазами. Его взгляд был полон нежности и восхищения.

Единорог давно привязался к этой трудолюбивой девушке и привык коротать с ней время в тишине, любуясь движениями ее рук за работой. И его подруга ценила эту привязанность, дорожила дружбой с единорогом и свято хранила свою девичью тайну.

Да разве тайну долго убережешь, коли мирская молва, что морская волна, все выплескивает наружу.

Выследив, как единорог тайком навещает свою подругу, охотники устроили засаду и изловили поклонника девичьей красоты.

ЛЮМЕРПА

Среди пустынных гор Азии обитает чудо-птица. У нее нежный мелодичный голос, а ее полет преисполнен красоты и величия. Парит ли птица в небе, или отдыхает на скале, она не отбрасывает тень, потому что ее пух и перья сверкают ярким светом, подобно солнечным лучам.

Даже после смерти она не исчезает бесследно, ибо ее плоть неподвластна тленью, а блестящее оперение продолжает излучать свет как и прежде.

Но если кто-либо попытается овладеть этим дивным сиянием, выдернув хотя бы одно перо птицы, свет моментально померкнет, а дерзкий смельчак тотчас ослепнет от черной зависти.

Имя этой редчайшей птицы — Люмерпа, что означает «светозарная». Она подобна подлинной славе, нетленно живущей в веках. Никто не в силах ее умалить или присвоить.

ЧУЖЕСТРАНЕЦ

В одном захолустном тосканском городишке объявился как-то заезжий чужестранец. Дабы придать больший вес своей персоне и привлечь внимание, он принялся рассказывать были и небылицы про свой родной город. Каких там только чудес не было! И уж, конечно, он не шел ни в какое сравнение со здешней серостью и глухоманью.

Вокруг словоохотливого гостя собралась небольшая толпа. Вскоре к собравшимся подошел всеми почитаемый в округе умный горожанин.

Послушав немного рассказчика, он вежливо прервал его и сказал:

— Коль ты и впрямь родился в тех далеких местах, — значит, все, о чем ты нам поведал, сущая правда и спорить тут грешно.

Чужестранец, весьма польщенный такими словами, картинно подбоченился и обвел слушателей взглядом: знай, мол, наших!

А рассудительный горожанин продолжал:

— Что твой город, любезнейший, полон диковинных чудес, мы в этом сами воочию убедились. Ведь в здешних краях нам еще ни разу не приходилось лицезреть такого урода, как ты.

ОГОРЧЕНИЕ

Отправившись погожим деньком людей посмотреть и себя показать, один синьор повстречал на улице своего давнего знакомого. Обрадовавшись случайной встрече и желая отвести душу, он принялся с жаром допытывать приятеля:

— Ба, да тебя просто не узнать! На тебе лица нет и глаза совсем потускнели. Уж не стряслось ли беды какой?

— Увы, — грустно отвечал тот, отводя глаза, — со мной такое случается, когда...

— Да как же можешь об этом спокойно говорить? Нужно немедля обратиться к нашему знаменитому лекарю. Любую хворь важно вовремя упредить, — и он еще долго

распинался о болезнях, не давая раскрыть рта своему знакомому. — А скажи-ка, любезнейший друг, давно ли ты замечаешь за собой такие странные перемены в настроении?

— Всякий раз, как вижу твою самодовольную физиономию. От великого огорчения при встрече с тобой мне становится немил весь белый свет.

ЛЕЖЕБОКА И СОЛНЦЕ

— Вставай же наконец, соня! — в сердцах сказал крестьянин сыну. — Солнце уже давно взошло. Не стыдно ли тебе так долго валяться в постели? Эх, ты, лежебока!

— Почто ты коришь и попрекаешь меня солнцем? — недоумевал парень, сладко позевывая. — У светила забот поболе, да и путь за день подлиннее. Вот оно и торопится встать спозаранку. Мой же путь вокруг дома невелик, а потому не беда, если я вздремну лишний часок.

УСТАВ ОБЯЗЫВАЕТ

Известно, что в определенное время года монахам надлежит строго блюсти пост. В такие дни монастырский устав запрещает им употреблять мясо и любую другую жирную пищу. Правда, когда монахи находятся в пути или промышляют милостыней, то в порядке исключения им не возбраняется питаться всем, что судьба ниспошлет.

Находясь как-то в пути по своим монастырским делам, два монаха забрели передохнуть и закусить с дороги на постоялый двор, где случай их свел с проезжим купцом.

Хозяин постоялого двора был так беден, что ничего не мог предложить гостям, кроме жалкой худосочной курицы величиной не более голубя.

Когда курица была готова, хозяин снял ее с вертела и подал на стол целиком, надеясь, что сотрапезники сами ее поровну поделят между собой.

Взглянув на жареного куренка и тут же смекнув, что его едва хватит на одного едока, хитрый купчишка сказал, обращаясь к монахам:

— Сдается мне, святая братия, что ныне самый разгар великого поста. Не так ли? Не хочу, чтобы из-за меня вы нарушали закон. Так уж и быть, возьму на себя грех и избавлю вас от куренка.

Монахам ничего другого не осталось, как согласиться с пройдохой. Они не стали вдаваться в тонкости и объяснять купцу, что для странствующих монахов возможны некоторые поблажки.

Купчина уплел с превеликим удовольствием целую курицу и обглодал все косточки, а его двум сотрапезникам пришлось довольствоваться ломтем хлеба и куском сыра.

После трапезы все трое отправились в путь. Монахи шли пешком по бедности, а купец из-за своей скупости. Отмахали они немало, пока не оказались перед широкой рекой, преградившей им путь.

По обычаю былых времен самый рослый и молодой из монахов, который был бос, взвалил себе на спину толстого купца и понес его вброд чере реку.

Но дойдя до середины брода, монах вдруг вспомнил о строгих предписаниях монастырского устава и остановился в недоумении. Сгибаясь под тяжестью ноши, он поднял кверху голову и спросил у купца, удобно сидевшего на закорках с башмаками и дорожным мешком в руках:

— Скажи-ка, любезный! Уж нет ли при тебе денег?

— Что за глупый вопрос! — подивился тот. — Пора бы тебе, братец, знать, что ни один уважающий себя купец никогда не отправляется в дальний путь без денег.

— Очень сожалею! — сказал монах. — Но наш устав запрещает нам носить при себе деньги.

И с этими словами он сбросил купца в воду. Вымокнув до нитки, весь красный от стыда и досады, плутоватый купец был вынужден согласиться, что досталось ему поделом от монахов за давешнюю уловку с курицей.

БОГАЧ И БЕДНЯК

Жил-был бедный ремесленник. Поработав в мастерской, он, бывало, навещал богатого синьора, жившего неподалеку.

Ремесленник стучал в дверь, осторожно входил и, оказавшись в богатых покоях перед знатным господином, снимал шляпу и отвешивал почтительный поклон.

— Что тебе, братец, от меня

надобно? — спросил его как-то хозяин дома.
— Вижу, как ты то и дело приходишь меня навестить, отвешиваешь поклон, а затем молчя уходишь ни с чем. Коли ты нуждаешься в чем-нибудь, то сделай милость, проси, не стесняйся!

— Благодарю вас, ваша светлость, — с почтением ответил ремесленник. — Я прихожу к вам, чтобы отвести душу и посмотреть, как живет богатый человек. Такую роскошь можем себе позволить только мы, простолюдины. К сожалению, вы, знатные синьоры, лишены такой благодати и вам негде отвести душу, ибо вокруг вас обитают одни только бедняки, вроде меня.

МЕЛЬНИК И ОСЕЛ

Как-то в кругу друзей один знатный синьор, прослывший книгочеем и занимательным рассказчиком, принялся с жаром доказывать, что ему, мол, не раз приходилось ранее жить в этом мире. Дабы придать своим словам вес, он даже сослался на одно из высказываний древнего мудреца и ученого Пифагора.

Но один из друзей то и дело подтрунивал над ним, вставляя язвительные замечания, и

мешал закончить повествование. Вконец рассердившись, почитатель древней философии решил урезонить насмешника и заявил:

— В доказательство моей правоты припоминаю, что в ту пору ты, невежа, был простым мельником.

Эти слова явно задели приятеля за живое, но он был не из тех, кого надобно тянуть за язык.

— Да кто же с тобой спорит? Ты, как всегда совершенно прав! Мне ль не помнить, что именно ты был тем самым ослом, что возил мешки с зерном на мою мельницу.

СТО ЗА ОДНО

В субботний день священник отправился благословлять своих прихожан и собирать пожертвования на строительство храма. Под вечер он забрел в дом к местному живописцу. Поднявшись к нему в мастерскую, священник принялся с таким усердием размахивать кропилом со святой водой, что замочил листы с рисунками для предстоящих фресковых росписей. Видя, что

его работа вконец испорчена, художник не на шутку рассердился.

Дабы замять свою оплошность, священник принялся его успокаивать:

— Не гневись, сын мой, таков обычай! И я поступаю так, как повелевает мне долг, ибо знаю, что тем самым творю доброе дело. Всяк, поступающий праведно, должен с надеждой уповать на слова всевышнего: «За каждое доброе деяние на земле да вознаградит нас небо сторицей!» Сто за одно! Запомни мои слова и не серчай.

Художник подождал, пока словоохотливый проповедник выйдет из мастерской, а затем подбежал к окну.

Видя, что священник выходит на улицу, он вылил ему на голову целое ведро воды.

— Принимай, святой отец! — прокричал он сверху. — Вот тебе вознаграждение сторицей с неба за испорченные рисунки! Сто за одно!

ЛЕОНАРДО-СКАЗОЧНИК

Прекрасный и вечно юный, как весна, мир сказки одинаково чарует и детей, и взрослых, а в лице добрых мудрых сказочников мы обретаем верных друзей. С одним из них мы знакомимся впервые.

Сочиненные им притчи и сказки принесли ему при жизни не меньшую известность, чем картины.

До сих пор еще в итальянских деревнях в ходу некоторые сказки, давно ставшие народными, и многим невдомек, что когда-то они были сочинены самим Леонардо да Винчи.

К настоящему времени рассеянное по всему свету богатейшее рукописное наследие Леонардо собрано воедино. Оно насчитывает свыше семи тысяч листов.

Леонардо да Винчи ревностно оберегал записанные им мысли, наблюдения и заметки от постороннего глаза, и, видимо, у него были на то веские причины, о которых можно только догадываться. Он даже придумал особую систему тайнописи, нередко вписывая одну строчку в другую и широко применяя замысловатые графические знаки и символы. Как правило, писал он справа налево, так что написанное можно читать только с помощью зеркала. Не одно поколение исследователей кропотливо разбирает и внимательно вчитывается в зашифрованные рукописи, раскрывая все новые стороны многогранной и поистине фантастической по широте интересов деятельности этого гения.

Леонардо да Винчи родился 15 апреля 1452 года в небольшом тосканском городке Винчи, затерявшемся

среди западных отрогов Апеннинских гор. Его отец был состоятельным нотариусом, а мать — простой крестьянкой. Редкая одаренность красивого большеглазого мальчика, увлекавшегося рисованием, лепкой, музыкой, математикой, поражала всю округу, и местные крестьяне не раз обращались к мессеру Пьеро да Винчи с просьбой, чтобы его сын нарисовал им что-нибудь.

В Леонардо рано пробудилась тяга к природе. Часто, забыв шумные мальчишеские забавы, он без устали бродил по окрестным лугам и лесам, лазил по горам, вслушивался в незнакомые голоса земли и старался разгадать тайну жизни камней, растений и животных. Уже с детских лет он понял, сколь круты ступени, ведущие к истине, и как бесконечна сама вместница знаний. «Мудрость — дочь опыта», — любил он повторять, а позднее в своей записной книжке, с которой никогда не расставался, сделал такую запись: «Приобретай с юности то, что с годами возместит тебе ущерб, причиненный старостью. Помни, что пищей старости является мудрость, и пока молод, действуй так, чтобы не оставить свою старость голодной».

В возрасте 10-11 лет он переезжает с отцом во Флоренцию, которая в ту пору славилась не только бурно развивающейся промышленностью, ремеслами, банковским делом и торговлей, но и была одним из передовых центров мировой культуры.

Отец пристроил мальчика на ученье к своему другу Верроккио, известному живописцу и скульптору.

Его мастерская по праву считалась в городе лучшей художественной школой, откуда вышло немало даровитых мастеров. Знаменитый художник высоко оценил выдающиеся способности ученика и однажды даже поручил ему дописать свою картину «Крещение Христа», хранимую ныне во флорентийской галерее Уффици. Юный художник изобразил слева на переднем плане коленопреклоненного златокудрого юношу в образе ангела. Уже в этой фигуре угадывается то новое, что со временем Леонардо внесет в мировую живопись, — поэтичность и гармонию. Если верить биографам, когда Верроккио увидел работу ученика, он был настолько потрясен совершенством исполнения, что дал себе зарок никогда не браться за кисть.

Как ни велика была его слава живописца, творца и эрудита, Леонардо упорно совершенствовал свои знания и не мыслил себе жизнь без постоянного поиска, считая, что «всяк берущийся за дело без должных знаний подобен моряку, отправляющемуся в плавание без руля и компаса».

Современники с неодобрением относились к его научным занятиям, считая их прихотью, и корили мастера за «забвение» интересов живописи. Но это было не отступничество, а глубоко осознанная потребность поверить «алгеброй гармонию», чтобы вдохнуть новую жизнь в искусство и обогатить его более совершенными выразительными средствами. Так, изучая оптику и законы отражения и преломления света, Леонардо освоил мягкую живописную манеру, основанную на

сопоставлении приглушенных тонов, разработал метод так называемой «дымчатой светотени», придавший неповторимую поэтичность и гармонию таким его шедеврам, как «Джоконда» и «Мадонна в скалах». «Наукой живописи» назвал он свое дело, подчеркивая тем самым объективный характер воспроизведения действительности в своих картинах.

Но для современников многое в этом человеке осталось непостижимым и таинственным, как загадочная улыбка на устах его Джоконды, ставшая знамением времени. Добавим, что эта улыбка, породившая немало догадок и предположений, удивительно напоминает его собственную улыбку на туринском автопортрете позднего периода. Как никто другой, Леонардо сумел в жизни подметить и оценить то, что не видели остальные, а в своих художественных творениях передал такое разнообразие душевных состояний, что даже самое смелое воображение нередко становилось в тупик перед его загадками.

Сам Леонардо никогда не подавлял окружающих превосходством ума и охотно делился опытом и знаниями, будучи по натуре щедрым и великодушным. Он был удивительно тактичен и мягок в обращении: терпим к недостаткам и умел прощать обиды, хотя порою и страдал от них. Как к чародею и волшебнику люди тянулись к нему, пораженные и восхищенные величием и красотой его духа. Он и сам был поистине красив — статен, высок ростом; лицо с правильными чертами обрамляла вьющаяся русая борода.

Он был предметом такого поклонения, что многие подражали покрою его платья, походке, манере говорить. От природы Леонардо был наделен богатырской силой и без труда гнул подковы и железные прутья. Ему не было равных в фехтовании, а как наездник он мог усмирить любого норовистого скакуна. Он превосходно играл на лютне и в кругу друзей любил импровизировать, подбирая музыку к своим сонетам и мадригалам, которые, к сожалению, не сохранились. Стоило ему заговорить, как все разом умолкали, прислушиваясь к его чарующему голосу. Видимо, его недаром звали сладкоголосым Орфеем. К нему вполне применимы вдохновенные строки, сочиненные его младшим современником и собратом по искусству Микеланджело Буонарроти:

Ему отпущено природою с лихвой.
Одним лишь взглядом всю округу поражает,
След восхищенья оставляя за собой.
Ему отпущено сполна судьбой.
Лик его дивный солнце затмевает,
А смех и пение звучат такою чистотой,
Что все окрест в восторге замирает.

Идеалы Леонардо да Винчи родились на гребне великого общественного и культурного подъема, переживаемого Италией в эпоху Возрождения. Он стремился использовать науку и искусство для созидания человеческого счастья, а ему суждено было стать свидетелем крушения самых светлых своих надежд. Пол-

...ый отчаяния и боли, он вынужден был скитаться ...о свету в тщетных попытках найти понимание и под-...ржку своим грандиозным замыслам, а под конец ...изни обрел пристанище на чужбине при дворе фран-...зского короля Франциска I.

За свои великие труды Леонардо не нажил богатств, ...отя жил безбедно. Превыше всего дорожил он своей ...вободой и чистой совестью. Ему дорога была память ...прошлых лет; он ценил свои рисунки и рукописи, был ...чень привязан к картине «Джоконда», с которой не ...расставался почти до самой смерти, продолжая рабо-...ть над ней в стремлении добиться классической ...конченности и совершенства. Из недавно обнаружен-...ых мадридских манускриптов мы узнали, что Лео-...рдо очень ценил и любил свою библиотеку, насчи-...тывавшую более ста томов, которую всюду возил с со-...бой, перечитывая в часы досуга особо чтимых авторов. ...К славе и богатству он был равнодушен и с презре-...нием говорил о деньгах, которые нередко многим ...закрывают глаза на подлинные ценности жизни. «Как ...бы не был при жизни знаменит богач, — писал он, — ...все это бесследно исчезнет с его смертью. Куда боль-...ше славы приносят человеку ум и доблесть, нежели ...накопленные им сокровища... Сколько философов ...отвергли презренное злато, чтобы не запятнать им ...себя».

Леонардо было за шестьдесят, когда он поселился ...в замке Клюсе, близ французского города Амбуаза, где ...была одна из королевских резиденций. Судя по позд-...нему автопортрету, он выглядел намного старше

своих лет — годы скитаний и горечи оставили свой отпечаток. Но по-прежнему светились ясностью и мудрым спокойствием его глаза. Хотя его парализовало, и бездействовала правая рука, он продолжал творить. Как и в былые годы, этот великий труженик вставал с первыми лучами солнца и шел к рабочему столу в просторный зал с золоченым плафоном, большим камином и высокими окнами, за которыми простирался парк и доносилось мерное бормотание Луары.

Он скончался ясным весенним днем 2 мая 1519 года. По свидетельству очевидцев, «всем своим обликом он являл подлинное олицетворение благородства знаний». Леонардо встретил последний час мужественно и величаво, словно подтверждая одну из последних записей в своих тетрадях: «Подобно тому, как разумно и дельно проведенный день одаривает нас безмятежным сном, так и честно прожитая жизнь дарит нам спокойную смерть». А мы еще раз вспомним эти слова великого человека, читая его проникновенную и преисполненную светлой грусти легенду «Лебедь».

Лет десять назад леонардовские сказки и легенды впервые увидели свет отдельными изданием, куда вошло более ста различных произведений. Примечательно, что столь ценное начинание было осуществлено старейшим флорентийским издательством «Джунти», которое в свое время пользовалось услугами нотариальной конторы отца Леонардо — мессера Пьеро да Винчи. Сегодня и наш читатель получил возможность познакомиться с этими сочинениями.

Сказки, легенды, и забавные истории, включенные в эту книгу, неравноценны. В некоторых из них авторская мысль выражена с предельной ясностью и полнотой, другие же представляют собой зарисовки с натуры, как бы являясь набросками к будущей «картине», а мы получаем счастливую возможность заглянуть в лабораторию великого творца. В целом книга дает полное представление о своеобразии Леонардо да Винчи как сказочника и рассказчика.

Его обращение к миру сказки не было случайным. Оно оправдано всем ходом его мыслей, наблюдений и целенаправленностью его интересов.

«Помню, как однажды я проснулся в своей колыбели, — пишет он в своих заметках. — Мне почудилось, что большая птица раскрыла крылом мне рот и покладила перьями по губам». Если бы эта короткая запись Леонардо не была первым воспоминанием о раннем детстве, ее можно было бы читать как запев к волшебной сказке. Но в нашей книге мы почти не встретим чудес и волшебства, а с традиционными сказками ее роднит лишь то, что действующие в ней герои — звери, птицы, рыбы, насекомые, растения, камни и прочие неодушевленные предметы — наделены даром речи и способностью оценивать свои и чужие поступки, которые ничем не отличаются от поступков людей.

Хотя в окружающей действительности Леонардо видел немало зла, уродства, жестокости и несправедливости, он не переносит свою горечь на мир животных. В его сказках даже хищные звери и птицы проявляют

снисхождение к слабым и обездоленным. Подлинным благородством веет от таких сочинений, как «Сокол и щеглята», «Великодушие», «Лев и ягненок». В то же время автор полон неприязни к коварным паукам, змеям, крабам и прочим тварям, которые ничем не брезгуют, лишь бы насытить свою алчную утробу. Все его симпатии неизменно на стороне тех, кто честен, скромен и трудолюбив, а уж лгунам, хвастунам и тунеядцам нет от него никакой пощады.

Рассказывая о зверях и птицах, Леонардо так точно описывает их повадки, что его с полным правом можно было бы считать одним из родоначальников этологии — науки, занимающейся изучением поведения животных. И это тоже не случайно. О его нежной привязанности к животным и особенно о любви к птицам еще при жизни ходили легенды. Например, некий Андреа Корсали в письме правителю Флоренции писал в 1515 году из Индии: «... жители этой далекой сказочной страны, подобно нашему знаменитому Леонардо, не позволяют чинить животным никакого зла». Об этом хорошо были наслышаны флорентийские мальчишки, которые несли в мастерскую к художнику заблудших собак, раненых птиц, диковинных бабочек, зная, что их всегда ждет щедрое вознаграждение. А местные птицеловы ждали, как праздника, появления Леонардо на птичьем рынке. Не торгуясь, он платил за облюбованных им пленников, томящихся в клетках, и тотчас выпускал на волю, любуясь, как птицы радостно парили в небе, обретя нежданную свободу.

Он превыше всех благ на свете ценил свободу и готов был платить за нее дорогой ценой, о чем повествует его сказка о гордом несчастном щегле или рыбах, объявивших войну неводу.

Будучи неутомимым естествоиспытателем, Леонардо воспринимал человека и окружающий мир как единое, нерасторжимое целое. Он всю жизнь вел диалог с природой, не переставая восхищаться ее мудрым устройством, целесообразностью и красотой всего живого на земле. Пытливым оком натуралиста и мыслителя он пытался раскрыть и передать в своих произведениях «гармонию разнородного», как говорили древние. И эта мысль лежит в основе многих его сказок. Он был противником всякого насилия над природой, сознавая, сколь губительны и плачевны могут оказаться для самого человека последствия подобного произвола. Такая обеспокоенность особенно ярко выражена в сказках «Лоза и крестьянин», «Кедр» и других. Веря в высокое назначение человека, Леонардо считал его ответственным за сохранение гармонии, существующей в природе. Нам особенно близки, понятны и дороги эти мысли великого творца, и мы воспринимаем его как верного союзника в наших общих усилиях по защите и сохранности окружающей среды.

Говоря о Леонардо-сказочнике, нельзя не сослаться на одно из его примечательных и драгоценных для нас откровений. Так, вспоминая годы юности, он пишет:

«Однажды блуждая среди темных скал, подгоняемый жадным влечением увидеть великое смешение разнообразных причудливых форм, порожденных природой, я набрел на вход в огромную мрачную пещеру, перед которой остановился как вкопанный... Я наклонился вперед, чтобы заглянуть внутрь, но ничего, кроме тьмы кромешной, не узрел. Тогда мною овладели разом два противоречивых чувства: великая оторопь перед разверзнувшейся бездной и неодолимое желание обнаружить некое чудо в ее бездонной утробе».

Мы видим, как пытливость ума и любознательность сочетаются в Леонардо с ощущением непостижимости некоторых загадок мироздания, и тогда природа предстает его воображению в фантастических сказочных образах. Такое отношение к окружающему миру вдохновляло его не только при написании сказок, легенд и «фантастических предсказаний». Оно проявляется и в его многочисленных рисунках, являющихся своеобразным графическим разговором с природой. Наряду с образами прекрасных юношей и девушек на этих рисунках можно увидеть целую вереницу уродливых лиц, обезображенных гримасами, крылатых драконов и чудовищ. Порою Леонардо подтрунивает над собственными ужасами, как, скажем, в сказках «Страшный зверь», «Лев и петух», а иногда его фантазия порождает образы жестокого Василиска, бессмертного Феникса или верного и ласкового Единорога. Кстати Рафаэль, по всей вероятности, слышал эту легенду из уст Леонардо. В римской галерее Боргезе

хранится написанный им дивный портрет девушки, держащей на коленях маленького единорога как символ целомудрия и чистоты.

Сказки привлекали Леонардо своей народной мудростью, занимательностью и демократичностью. Они служили ему верным подспорьем в неустанных поисках заветного ключика, чтобы проникнуть в загадочную «пещеру», осветить ее светом разума и раскрыть тайны, хранимые природой.

Леонардо да Винчи занимает особое место в итальянской литературе, а его сказки и легенды представляют собой яркое явление в культуре эпохи Возрождения. Сам он никогда не домогался писательских лавров, скромно считая себя человеком, «несведущим в литературе». Однако долгие годы он работал над составлением толкового словаря живого разговорного тосканского диалекта, послужившего основой итальянского литературного языка. Леонардо не прибегал к ученой латыни, чтобы излагать собственные мысли, как это было принято в то время среди эрудитов. Он высоко ценил образную крестьянскую речь и, не считаясь с орфографией, любовно записывал меткие слова и обороты.

Свои сказки Леонардо черпал из жизни — «этого великого учителя, у которого есть чему поучиться даже писателям».

А. Махов

СОДЕРЖАНИЕ

Бумага и чернила.....3
Кремень и огниво.....4
Язык и зубы.....5
Бритва.....6
Пламя.....8
Вода.....10
Плющ.....10
Луна и устрица.....11
Паук в замочной скважине.....12
Гусеница.....13
Справедливость.....15
Лавр, мирт и груша.....17
Паук и шмель.....18
Каштан и инжир.....19
Мотылёк и пламя.....21
Лоза и старое дерево.....23
Лилия.....24
Орех и колокольня.....25
Огонь и котелок.....27
Тополь.....28
Муравей и пшеничное зерно.....30
Пчела и трутни.....32
Щегол.....33
Кедр.....34
Вьюн и ящерица.....36

Камень и дорога. 37
Орешник. 39
Блоха и овечья шкура. 40
Ручей. 42
Персиковое дерево. 42
Лев. 44
Паук и стриж. 45
Орешник и вяз. 46
Сыновья благодарность. 47
Сердечная теплота. 49
Лоза и крестьянин. 51
Горностай. 52
Черемуха и дрозды. 53
Краб. 54
Паук и виноград. 56
Устрица и мышь. 57
Летучая мышь и ласточка. 58
Невод. 60
Осел на льду. 63
Сокол и щеглята. 64
Великодушие. 65
Лев и ягненок. 67
Филины и заяц. 67
Верблюд и хозяин. 68
Львица. 70
Страшный зверь. 71
Укус тарантула. 72
Лев и петух. 74

Волк. 75
Сокол и утка 76
Обезьянка и птенец. 77
Орел-насмешник— 78
Медвежонок и пчелы. 80
Ссора. 81
Жаждущий осел. 82
Лисица и сороки. 84
Завещание орла. 85
Лесной жаворонок. 87
Журавли. 89
Гадюка и соловей. 91
Пеликан. 92
Лебедь. 93
Макли. 95
Феникс. 96
Василиск. 97
Саламандра. 99
Единорог. 100
Люмерпа. 102
Чужестранец. 103
Огорчение. 104
Лежебока и солнце. 105
Устав обязывает. 106
Богач и бедняк. 108
Мельник и осел. 109
Сто за одно. 110
Леонардо-сказочник. А. Махов. 112

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Дагестанское учебно-педагогическое издательство и Дагестанское республиканское отделение Советского детского фонда им. В. И. Ленина предлагают Вам стать участником доброго дела — внести свой взнос в помощь сиротам и детям, оставшимся без родительской заботы, маленьким инвалидам, каждому ребенку, который нуждается в особой помощи общества, а, значит, каждого из нас.

Цена на эту книгу, как Вы видите, несколько увеличена. Разница и будет переведена на конкретные цели Детского фонда. Информацию о том, куда именно направлены эти средства, фонд обязуется публиковать в печати.

Дагучпедгиз и ДРО Советского
детского фонда им. В. И. Ленина

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

СКАЗКИ, ЛЕГЕНДЫ, ПРИТЧИ

Редактор Г. М. Мурадалиева. Художник Н. Ш. Чаракаева.
Художественный редактор Я. Д. Марковский.
Технический редактор В. Н. Науменко. Корректор Г. А. Омаро

ИБ 2499

Сдано в набор 25. 09. 90. Подписано в печать 13. 03.
Формат 70x108 1/32. Бум. офсетная № 2. Гарнитура школьн
Печать офсетная. Усл. п. л. 5,6. Уч.-изд. л. 4,18. Тираж 12000
Зак. № 2382. Цена 55 к.

Дагестанское учебно-педагогическое издательство Госкомиздата ДАС
Махачкала, ул. Пушкина, 6

Типография им. С. М. Кирова Госкомиздата ДАССР,
Махачкала, ул. Маркова, 51.